

Санкт-Петербургский государственный университет

ПАШИНА Людмила Дмитриевна

Выпускная квалификационная работа

**Особенности реализации квалификативных модусных категорий в
романе Е. Водолазкина «Авиатор»**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5614. «Филологические основы
редактирования и критики»

Профиль «Филологические основы редактирования и критики»

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент, Кафедра русского языка,
Руднев Дмитрий Владимирович

Рецензент:
доцент кафедры
книгоиздания и
книжной торговли,
ФГБОУ ВО Санкт-
Петербургский
государственный
университет
промышленных
технологий и дизайна
Брыкова Александра Андреевна

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические аспекты изучения модуса и квалификативных модусных категорий. Специфика реализации модуса в художественном тексте	6
1.1. Определение понятия «модус» и его соотношения с «диктумом». Модус и модальность.....	6
1.2. Семантические группы эксплицитно выраженного модуса.....	8
1.3. Модусные категории высказывания. Квалификативные модусные категории.....	12
1.3.1. Категория авторизации	14
1.3.2. Категория персуазивности.....	16
1.3.3. Категория оценочности.....	19
1.4. Специфика реализации модуса в художественном тексте (на примере романа «Авиатор» Е. Водолазкина).....	21
1.5. Вводные слова и их участие в реализации квалификативных модусных категорий.....	23
Выводы по Главе I.....	28
Глава II. Поэтика романа Е. Водолазкина «Авиатор» и участие вводных слов в ее создании.....	29
2.1. Квалификативные модусные категории в романе «Авиатор» как способ создания его поэтики.....	29
2.2. Методика рассмотрения вводных слов и выражений в речи героев	33
2.3. Особенности реализации квалификативных вводных компонентов в речи Иннокентия Платонова	37
2.4. Особенности реализации квалификативных вводных компонентов в речи Гейгера	47
2.5. Особенности реализации квалификативных вводных компонентов в речи Насти ...	59
2.6. Сопоставительный анализ употребления квалификативных вводных компонентов в речевых партиях персонажей	71
Выводы по Главе II.....	74
Заключение	75
Библиографический список	77

Введение

В современной лингвистической науке ощутимо прослеживается возрастающий интерес к изучению языка с позиции антропоцентризма, помещающего в центр внимания исследователей формы проявления человеческой личности в речи. В русле этой парадигмы все большее значение приобретает рассмотрение структуры художественного текста через выявление имплицитных и эксплицитных способов воплощения того или иного субъектно-речевого плана. Данная проблематика лежит в сфере еще малоизученного языкового феномена — модуса. В связи с этим **актуальность** темы настоящей работы определяется необходимостью разностороннего изучения модусной организации художественного текста.

Теоретическая значимость исследования состоит в изучении и систематизации знаний о модусе высказывания и текста, в уточнении функционально-стилистических возможностей реализации вводных показателей с квалификативным модусным значением. Настоящая работа вносит вклад в изучение функций вводных слов в художественном тексте, в исследование идиостиля писателя и поэтики отдельного произведения.

Практическая значимость определяется возможностью использования наблюдений и выводов в курсах по стилистике, по синтаксису (осложнение простого предложения — традиционный синтаксис; модусная организация — семантический синтаксис), в спецкурсе по языку художественной литературы.

Новизна исследования определяется комплексным подходом к изучению феномена модуса, функционирующего в художественном тексте: анализ производится одновременно на собственно лингвистическом уровне и на уровне поэтики произведения.

Объектом исследования настоящей работы являются квалификативные модусные категории в художественном произведении.

Предметом исследования являются формально-семантические и функциональные параметры вводных слов и выражений с квалификативным модусным значением в романе Е. Водолазкина «Авиатор».

Цель работы — изучить особенности функционирования вводных слов и выражений как способа выражения квалификативных модусных категорий в художественном тексте. Этой цели подчинены следующие задачи:

1. Изучить научную литературу и описать теоретико-методологические основания изучения модуса и квалификативных модусных категорий.
2. Рассмотреть особенности специфики проявления модуса в художественном тексте.

3. Представить опыт изучения вводных слов и выражений в отечественной лингвистике.

4. Охарактеризовать источник исследовательского материала (роман «Авиатор») и особенности стиля Е. Водолазкина.

5. Разработать методику анализа вводных слов и выражений с квалификативным модусным значением с учетом специфики художественного произведения.

6. Произвести количественный и качественный анализ обнаруженных квалификативных модусных вводных единиц.

7. Сопоставить особенности реализации квалификативных модусных категорий в речевых партиях героев романа.

8. Сделать выводы о стилистическом потенциале вводных слов и выражений и идиостиле Е. Водолазкина.

Материалом для исследовательской работы послужили вводные слова и выражения с квалификативным модусным значением (авторизация и персуазивность), рассматриваемые на материале речевых партий главных героев романа «Авиатор» Е. Водолазкина — Иннокентия Платонова, Гейгера и Насти. Общий объем анализируемых контекстов составляет 264 высказывания, маркированных показателями с квалификативной модусной семантикой.

Методы исследования. В ходе исследования были использованы:

- метод сплошной выборки (отбор материала исследования из источника);
- метод научного описания (описание и классификация используемых в речи героев романа вводных показателей);
- метод контекстного анализа материала (для выявления особенностей функционирования квалификативных вводных компонентов в речевых партиях героев);
- функционально-стилистический метод (определение функций выражения модуса и стилистического потенциала квалификативных модусных категорий);
- лексико-семантический метод (определение семантики модусных показателей, описание лексико-семантических групп при анализе контекстов);
- сравнительно-сопоставительный метод (сопоставление употребления квалификативных вводных компонентов в речи героев).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, основной части, заключения и списка литературы. Основная часть представлена в двух главах, содержащих параграфы. В первой главе отражено теоретико-практическое осмысление модуса в целом и квалификативных модусных категорий в частности. Во второй главе содержится разработка методики анализа квалификативных модусных категорий на

материале художественного текста и представлен анализ контекстов с квалификативными вводно-модальными словами и выражениями с позиций разработанной методики анализа.

Общий объем работы составляет 84 страниц. Библиографический список состоит из 93 единиц.

Глава 1. Теоретические аспекты изучения модуса и кваликативных модусных категорий. Специфика реализации модуса в художественном тексте

1.1. Определение понятия «модус» и его соотношения с «диктумом». Модус и модальность

Понятие «модус» широко используется в психологии, логике, лингвистике, философии и других науках. Модус как лингвистический феномен представляет интерес исследователей на протяжении последних нескольких десятков лет, однако берет начало он в средневековой схоластике, откуда этот термин заимствовал и ввел в лингвистическое употребление Ш. Балли.

Швейцарский лингвист предложил концепцию двухчастной структуры высказывания, состоящей из *диктума*, выражающего объективное содержание предложения, и *модуса*, передающего субъективные смыслы, идущие от говорящего, его отношение к диктумному содержанию. Благодаря активному участию мыслящего субъекта Ш. Балли рассматривал модус как главную часть высказывания, которая формируется за счет модальных глаголов (*думать, радоваться, желать* и др.) [Балли, 1955, с. 44–45]. Данная идея закрепилась и получила распространение в лингвистической науке Западной Европы [Halliday, 2002].

Диктум и модус одновременно присутствуют в высказывании, образуя дихотомию, даже если один из компонентов выражается имплицитно.

Для отечественной лингвистики термин «модус» является достаточно новым (в лингвистических словарях и энциклопедиях не представлены отдельные статьи, посвященные понятию модуса), нередко он взаимозаменяется на семантически смежный термин «модальность». Кроме того, модус часто выражается имплицитно, не имея прямых соответствий между планом содержания и планом выражения, главное в модусе его смыслы, а не формы [Шмелева, 1988]. Поскольку лингвистический анализ традиционно начинается с плана выражения, исследования модусных смыслов не представлены широко в современной лингвистике.

Модус и модальность «исходят от говорящего и заключают в себе его отношение к тому, о чем идет речь в предложении» [Шмелева, 1984, с. 78], чем обуславливается отсутствие строгости в употреблении данной терминологической пары. Корни обоих терминов лежат в логике и философии, восходя к латинскому слову *modus*, обозначающему «меру», «образ», «способ», «род» [Дворецкий, 1976, с. 643].

Вопрос о характере соотношения понятий «модус» и «модальность» носит спорный характер, дискуссии по данному вопросу в научной среде не окончены. В некоторых исследованиях модальность и модус строго не разграничиваются и употребляются как синонимы [Алисова 1971; Клобуков 1984; Краснова, 2002 и др.], в других работах термины разграничиваются, и под модусом понимается ментальное состояние говорящего, тогда как под модальностью — соответствующая окраска языковых средств [Ярыгина, 2012], в третьих — авторы предлагают узкое понимание модальности как модусной категории (наряду с оценочностью, эмотивностью, персуазивностью и др.) [Гак, 1978; Шмелева, 1995; Кузнецова, 2004; Кобрина, 2006 и др.]. Также в науке представлено широкое понимание модальности: модус рассматривается в составе функционально-семантического модального поля [Всеволодова, 2000].

В настоящей работе мы придерживаемся позиции тех ученых, которые считают понятия «модус» и «модальность» разноплановыми. Модальность — семантическая категория, она рассматривается в плане языковых возможностей языка вообще, модус — часть смысловой структуры высказывания.

Вслед за О.Н. Копытовым мы понимаем модус как «логико-психологическую переменную, отражающую отношение автора к сообщаемому (ось “автор - читатель”) или отношение субъектов, данных в признаках самого текста (актантов, персонажей, героев и т. п.), к выраженным в тексте пропозициям или логически выводимым из него пресуппозициям (ось “автор - текст”)» [Копытов, 2004, с. 12]. На наш взгляд, исследователь дал наиболее полное определение модуса из всех существующих на данный момент в лингвистической науке.

Содержание модуса — языковое выражение психоэмоциональных переживаний субъекта речи, связанных с объективной действительностью. «Интегральная природа модуса в современной лингвистике понимается как комплекс смыслов, идущих от говорящего и отражающих то, что говорится в диктуме, а также кем, когда, кому, с какой целью и в каких условиях» [Кремер, 2015].

В идущей от Ш. Балли интерпретации модус выражается посредством форм глаголов, вводных слов и выражений, изъяснительных конструкций, интонации [Копытов, 2015, с. 69]. Например, предложение *Стол*. Утверждение о существовании стола как предмета мебели, служащего для размещения на нем предметов и / или приготовления и принятия пищи, обучения и других видов деятельности, — это диктум. Эта объективная информация в разных случаях может сопровождаться различными *субъективными смыслами* — модусами:

— желательности (*Вот бы купить тот стол!*);

- авторизации (*Говорят, сейчас тот стол можно купить со скидкой*);
- персуазивности (*Может быть, купим этот стол?*) и др.

Говоря об описании модуса предложения в отечественной лингвистике, нельзя не упомянуть В.Г. Гака, который, цитируя швейцарского лингвиста-предшественника, первым заговорил о двухчастности высказывания, о диктуме и модусе, о модусных категориях. Также исследователь впервые задался целью определить круг категорий модуса [Гак, 1978].

В. А. Белошапкина ввела понятия модуса и диктума в университетский курс современного русского языка. По ее мнению, «особую актуальность приобрела мысль о том, что в содержании предложения соединены значения двух принципиально разных родов: объективные, отражающие действительность, и субъективные, отражающие отношения мыслящего субъекта к этой действительности» [Белошапкина, 1999, с. 769].

1.2. Семантические группы эксплицитно выраженного модуса

Модус в высказывании может быть выражен неявно (имплицитно) и явно (эксплицитно). В первом случае модусная (модальная) рамка только подразумевается и легко восстанавливается в речевом контексте: ср. *Идет снег* (*Сообщаю, что / Кажется / Как ни странно, идет снег*). При неоформленной модусной рамке имплицитно передается и лицо говорящего, и выражаемая им субъективность.

Во втором случае модальная рамка имеет свой план выражения: «(1) в виде главного предложения в составе конструкции с диктумом в придаточном изъяснительном или (2) в виде вводного предложения» [Краснова, 2002, с. 100].

Кроме того, модус в высказывании может быть выражен «в виде предложений-метавысказываний, получивших в лингвистике обозначение: «я-предложение», «ты-предложение», «он-предложение», «все-предложение» [Степанов, 1981, с. 162]. В полифоничном художественном произведении подобные субъективные значения получают выражение в ремарках, контекстах с прямой речью, вставных конструкциях.

Для настоящего исследования особый интерес представляет эксплицитное выражение модусной рамки высказывания. Вводные слова и сочетания являются формальным показателем субъективного значения, заложенного говорящим на плане содержания. Н.Д. Арутюнова выделяет четыре семантических плана, связанных с выражением эксплицитного модуса: перцептивный (сенсорный), ментальный (когнитивный, эпистемический), эмотивный и волеизъявительный [Арутюнова, 1998, с. 411]. В соответствии с этим можно выделить четыре одноименные модусные группы,

каждую из которых мы рассмотрим на примере выбранного материала из романа Е. Водалазкина «Авиатор»¹.

1) **Перцептивные** модусы передают специфику непосредственного, чувственного восприятия автора речи и выражаются лексемами *слышать, видеть, замечать, ощущать, чувствовать, слышно, видно* и др.:

*На этом кладбище есть могилы и других известных мне людей, – сказал я Гейгеру. Он кивнул, но ничего не ответил – **видно**, ожидал дальнейших моих вопросов* (с. 147).

Стоит отметить, что модусы знания и восприятия семантически близки, поскольку за восприятием всегда следует ментальная оценка полученной через органы чувств информации. В связи с этим глаголы чувственного восприятия могут получать когнитивный смысл:

*Глупо как-то: завалился я на днях в ванной.<...> Это как-то особенно стыдно, когда молодой падает – взмахивая руками, с мгновенным страхом в глазах. Старик еще ничего, а молодой – ох! – даром что сто лет в обед. И все помогают подняться, все сочувствуют – до чего же противно быть в центре внимания! У меня это отвлечение, **видно**, от отца* (с. 281–282).

Приведенный пример отражает аспект «внутреннего зрения» Иннокентия Платонова, делающего вывод на основании детского опыта взаимодействия с отцом.

Перцептивные модусы коррелируют с квалификативной модусной категорией персуазивности. Когнитивная реализация «сенсорных» предикатов является проявлением актуализации периферийного (переносного) значения категории персуазивности и отражает ее стилистический потенциал.

2) Группа **ментальных** модусов наиболее многочисленна, поэтому в ней выделяются следующие подгруппы:

• **Модус полагания** (мнения) выражается предикатами *думать, полагать, считать, представляться, казаться* и др. Он выступает показателем связи высказывания с его автором: *Я очнулся в лазарете. <...> В помещении определенно пахло лекарствами, а от ведра с таинственной надписью тянуло хлоркой. И то, и другое в Раю, **я считаю**, без надобности* (с. 206–207).

В случаях, когда говорящий (сознательно или неосознанно) хочет сместить в высказывании акцент со своей персоны, глаголы со значением мнения либо употребляются в неопределенно-личной форме, либо вводятся ментальным глаголом:

¹Примеры из романа Е.Г. Водалазкина приводятся по изданию 2017 года с указанием страниц в круглых скобках.

*С трудом встал с койки и подошел к зеркалу у двери. Глубоко посаженные глаза, под ними круги. Глаза серы, круги сини. Складки от носа к уголкам губ – складки, не морщины. Считается, что это следы улыбок – в прежней жизни я, **нужно думать**, много улыбался (с. 56–57).* В приведенном высказывании главного героя романа сочетаются оба названных приема.

Этот процесс смещения акцента внимания с субъекта речи Н.Д. Арутюнова называет *объективацией* (имперсонализацией) модуса [Арутюнова, 1998, с. 411]. При этом и адресант, и адресат сообщения осознают принадлежность мнения.

Модус полагания соотносится с квалификативной категорией авторизации, выражая дихотомию «свое / чужое» мнение. Случаи объективации модуса являются проявлением периферийного выражения авторизационного значения.

• **Модус сомнения и допущения** получает воплощение в высказывании через предикаты *возможно, может быть, маловероятно, сомнительно, допустим* и др.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что модальные слова *возможно* и *может быть* не всегда передают точку зрения говорящего: это модусы допущения, которые оставляют автору речи свободу «отречения» [Там же, с. 412]: *Никаких существенных перемен в сравнении с моим временем я не обнаружил. Ну, **может быть**, асфальт вместо брусчатки* (с. 97–98).

• **Модус истинностной оценки** выражается лексемами *верно, неверно, правда, ложь* и др.: *Говорят, неполная правда – ложь. Лживость этой кинохроники даже не в том, что это прямая тупта, снятая по заказу ГПУ* (с. 188).

На наш взгляд, в рамках ментального модуса этой подгруппы стоит также обозначить неназванный Н.Д. Арутюновой **модус вероятностной оценки**. Он, безусловно, перекликается с модусом сомнения и допущения, однако имеет более широкую семантику, поскольку актуализирует в той или иной степени аргументированное мнение, которое будет верно с большей или меньшей вероятностью.

• **Модус знания** вводит верифицируемую информацию и передается в высказывании с помощью лексем *знать, понимать, быть известным, известно, понятно* и др.: ***Известно**, что после воскрешения Лазарь никогда не улыбался. Значит, он увидел там то, в сравнении с чем никакие земные дела больше не вызывали эмоций* (с. 383).

Модус знания соотносится с квалификативным персуазивным значением уверенности. Как подчеркивает Н.Д. Арутюнова, «модус знания не сочетается с вводными словами, указывающими на неопределенность истинностного значения, по той естественной причине, что знание требует установления истины» [Там же, с. 433].

• **Модус незнания** получает выражение в высказывании через слова *неясно, неизвестно, не знаю, тайна, загадка* и др.: *Нам дали комнату в квартире, подвергшейся уплотнению. Уплотняли профессора Духовной академии Сергея Никифоровича Воронина и его дочь Анастасию. Анастасию, стало быть, Сергеевну. Просто Анастасию, но никогда – Настю. **Не знаю**, отчего я называл ее именно так, она ведь была младше меня на шесть лет* (с. 59–60).

В отличие от модусов сомнения и вероятностной оценки, модус незнания «оставляет невыбранной пропозицию с тем или иным истинностным значением» [Краснова, 2002, с. 102]. Иначе говоря, у автора речи, использующего модус незнания, остается несформированным мнение о степени вероятности / истинности сообщаемого.

• **Модус аксиологической (общей) оценки** относится уже не к сфере знания, а к сфере ценностей. Он выражается предикативами *хорошо, плохо, скверно, вредно, полезно* и др.:

*Нравится мне Настя? Конечно, нравится. Мне с ней **легко** и **хорошо*** (с. 194).

3) **Эмотивные модусы** отражают план эмоционального состояния говорящего и его отношения к какому-либо объекту (ситуации), выступающему стимулом сообщения. Модусы этой группы могут выражаться предикативами (*отрадно, противно, приятно*), глаголами (*восхищаться, сожалеть, бояться*), краткими прилагательными (*доволен, рад, огорчен*):

*Вдохнул глубоко, прочитал: Антонина, не Анастасия. Анастасия, стало быть, здесь не обозначена. И что из этого следует? **Боюсь**, что ничего. Просто мне **радостно** было узнать, что в этой могиле Анастасии нет* (с. 155–156).

Часть модусных слов лишена соотнесенности с субъектом (например, *жаль, хорошо, необходимо, сомнительно*), и, если он специально не оговорен, суждение приписывается автору речи. Н.Д. Арутюнова называет такие модусы «нейтральными» и подчеркивает, что некоторые из них способны приобретать отнесенность к разным лицам: *мне жаль, ему радостно, вам необходимо*. Это явление исследователь называет *субъективизацией* модуса. [Арутюнова, 1998, с. 412].

4) **Волитивные модусы** передают значения волеизъявления и необходимости, привнося в высказывание семантику ирреальности. Они выражаются лексемами *хотеть, требовать, велеть, важно, нужно* и др.: ***Важно** только не ездить пока в больницу – это опасно как для вас, так и для Анастасии. Для нее, пожалуй, даже опаснее* (с. 183).

1.3. Модусные категории высказывания. Кваликативные модусные категории

Категорией в лингвистике называется «совокупность языковых значений, соотносящихся и взаимосвязанных на основании общего семантического признака и представляющих собой замкнутую систему подразделений этого признака» [БСЭ, с. 368].

Систематизировать широкий круг модусных категорий предложения одним из первых в отечественной лингвистике попытался В.Г. Гак. Материалом для исследования послужили высказывания на русском и французском литературных языках [Гак, 1978, 1986, 1988]. Акцент в выделении модусных категорий ученый ставит на параметрах коммуникативного акта, поскольку модус подсвечивает цель и условия ситуации общения.

Модусные категории, по В.Г. Гаку, в зависимости от их ориентации на субъекта речи или адресата можно разделить на две группы:

1) категории, связанные с фигурой говорящего: истинность (утверждение / отрицание); модальность (возможность / действительность, уверенность / сомнение, желательность / нежелательность); лицо; временная и пространственная локализация; эмотивность (восклицание и т. п.);

б) категории, ориентированные на собеседника: целенаправленность (повествование, вопрос, пожелание, побуждение); информативность (актуальное членение); речевая ситуативность (модификации предложения, связанные с той или иной функциональной сферой литературного языка) [Гак, 1986, с. 58–59].

Большую роль в изучении диктумного и модусного устройства русского высказывания внесла Т.В. Шмелева [Шмелева, 1984, 1988-а, 1988-б, 1995]. Структурированная концепция смысловой организации высказывания, предложенная исследователем, сформировалась в русле синтаксической школы В.А. Белошапковой под влиянием идей Ш. Балли, Э. Бенвениста, В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, В. Г. Гака и др.

В.А. Белошапкова выделяет обязательные модусные значения, которым Т.В. Шмелева в рамках своей концепции затем придает статус категорий:

- 1) Предикативность (модальность реальности / ирреальности) и время;
- 2) Целеустановка (вопросительность / невопросительность);
- 3) Персуазивность (значение достоверности / недостоверности).

«Эти исходящие от говорящего значения, раскрывающие его позицию по отношению к объективному содержанию предложения, составляют обязательный минимум субъективных (модусных) смыслов в значении предложения» [Белошапкова, 1981 с. 477].

В основе классификации Т.В. Шмелевой лежит функционирование модусных категорий в коммуникативной организации высказывания. Ученый располагает категории на оси «от автора к адресату», выделяя четыре модусных аспекта высказывания: **метааспект, актуализационный, квалификативный и социальный**. Каждый из них, в свою очередь, «включает в себя серию модусных смыслов с обслуживающими их языковыми средствами (или показателями), или модусных категорий» [Шмелева, 1995, с. 11].

Метакатегории модуса «обеспечивают осмысление высказывания относительно условий и условностей общения» [Шмелева, 1994, с. 27], то есть речь идет о речевом жанре, смыслах называния, говорения и т.д.

Актуализационные категории, к которым исследователь относит персонализацию (лицо), модальность, временную и пространственную локализацию, отражают то, как «сообщаемое в диктуме относится к действительности» [Там же, с. 30].

Анализируемые нами в данной работе **квалификативные категории** (авторизация, персуазивность и оценочность) «представляют собой отношение автора к содержанию высказывания, квалификацию в соответствии с его замыслами и представлениями» [Там же, с. 32].

Социальные категории модуса отражают конвенционально демонстрируемые социальные отношения, обслуживая линию «говорящий — адресат» [Там же, с. 35–36].

Иной подход к рассмотрению модусных категорий представлен у М.В. Всеволодовой [Всеволодова, 2000]. Как отмечалось ранее, в ее представлении понятие модальности шире понятия модуса. Кроме того, исследователь развивает только намечавшуюся ранее в отечественной науке мысль о текстостроительной роли модуса (иными словами, М.В. Всеволодова, помимо модуса предложения, говорит о классе модуса текста). В модус текста ею включены категории авторизации, внутрисинтаксической модальности и оценки. Данные категории выражаются предикатами *думать, знать, казаться, возможно, хотеть, скверно, ложь, трудно сказать* и др. и исходят от любого мыслящего субъекта.

Категории, составляющие модус высказывания (метакатегории, актуализационные, квалификативные / оценочные и социальные категории), исходят только от говорящего и часто выражаются имплицитно. Кроме того, по замечанию исследователя, модусные категория высказывания не могут быть выражены при помощи предикатов.

Квалификативные модусные категории широко рассмотрены в работе М.В. Всеволодовой. Помимо выделенных Т.В. Шмелевой категорий персуазивности и оценочности, в рамках данной семантической группы модуса автор говорит о категориях

отрицания, согласия / несогласия, подтверждения и уступки. Однако в отличие от Т.В. Шмелевой, М.В. Всеволодова относит авторизацию к текстовым категориям, которые выражаются через предикаты. Как известно, данная категория может получать воплощение и при помощи других языковых средств (вводно-модальных слов, к примеру).

В связи с вышесказанным авторизацию «можно рассматривать в составе категорий модуса высказывания как категорию, имеющую при этом широкий выход в структуру текста в силу действия принципа авторизационного ключа» [Боуфал, 2017, с. 23–24].

Также отличный от концепции Т.В. Шмелевой подход в определении квалификативных модусных категорий обнаруживается в работах И.А. Нагорного [Нагорный, 2011; Нагорный, Ивницкий, 2020]. К категориям данного модусного плана исследователь относит модальность, эмотивность и оценочность.

В настоящем исследовании квалификативные модусные категории (авторизация, персуазивность и оценочность) рассматриваются с опорой на фундаментальную классификацию модус-потенциала высказываний Т.В. Шмелевой с попыткой выхода к анализу модуса текста.

Рассмотрим каждую из квалификативных категорий модуса подробнее.

1.3.1. Категория авторизации

В зарубежных исследованиях (в рамках западноевропейской и американской лингвистической традиции) маркирование автором источника передаваемой информации связывается с грамматикализованной категорией эвиденциальности (засвидетельствованности) (см. [Наан, 1999, 2000] и др.). В отечественной науке эвиденциальность рассматривается в работах В.С. Храковского [Храковский, 2007], М.И. Межерицкой [Межерицкая, 2009], Е.В. Ильиной [Ильина, 2013], А.Р. Сафиной [Сафина, 2016] и др. С середины 90-х годов XX века увеличивается количество исследований, посвященных эвиденциальности, расширяется число языков, на материале которых она рассматривается.

Однако в отечественной лингвистике данная языковая категория традиционно обозначается понятием «авторизация» (см. [Золотова, 1973; Шмелева, 1984, 1988а, 1988б, 1995; Копытов, 2004, 2012, 2015; Гричин, 2010; Гурин, 2012] и др.), с этих же позиций эта модусная категория будет обозначаться и в настоящем исследовании.

Впервые понятие авторизации встречается в монографии Г.А. Золотовой «Очерк функционального синтаксиса русского языка» [Золотова, 1973]. Исследователь обозначает данным термином способы осложнения модели предложения по линии модуса. По Г.А. Золотовой, сущность авторизации заключается в том, что «разнообразными, но

вполне поддающимися описанию способами в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [Там же, с. 263].

В последующих работах — «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса», «Синтаксический словарь», «Коммуникативная грамматика русского языка» [Золотова, 1982, 1988; КГРЯ, 2004] — не только рассматривается сущность авторизации как языкового явления, но и создается терминологическая база для ее анализа: в научный обиход вводятся такие термины, как субъектная сфера, субъектная ось (субъектная перспектива), субъектная зона, авторизуемая (диктумная) и авторизующая (модусная) части авторизованного предложения, а также выявляется семантическая типология субъектов авторизирующей части.

Статус категории авторизация получает в работах Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1984, 1988-а, 1988-б, 1995]. Авторизация рассматривается как категория квалификативного модусного плана (наряду с оценочностью и персуазивностью), позволяющая субъекту речи проявлять свое отношение к сообщаемому. В том же ключе об авторизации пишет большинство современных лингвистов [Копытов, 2004; Савицкая, 2009 и др.].

В ряде работ осуществляется широкий подход к исследованию категории авторизации. Часть из них демонстрирует понимание авторизации как включающей в себя значения персуазивности и оценочности (см. [Василенко, 1984; Мустайоки, 2006; Етко, 2007, 2011]).

В настоящей работе мы будем придерживаться концепции Т.В. Шмелевой, относящей авторизацию к квалификативной модусной категории, которая имеет функционально-семантический характер.

Многие модусные категории в своей основе имеют бинарную оппозицию. Категория авторизации не является исключением: она строится на дихотомии «свое» / «чужое», или «авторское» / «цитируемое». В плане содержания категории авторизации лежит противопоставление автором речи «своей» и «чужой» информации: «...автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать её как свою или чужую...» [Шмелева, 1984, с. 29]. Под «своей» понимается информация, полученная говорящим посредством собственного перцептивного опыта или логического заключения, под «чужой» — полученная от других лиц (при этом в высказывании субъект речи маркирует различными языковыми средствами источник и способ получения информации).

Категория авторизации может получать имплицитное / эксплицитное выражение в высказывании. «В языке за стандарт принято изложение информации “от себя”, поэтому

специальные показатели предусмотрены только для нестандартных случаев – изложения чужой информации, цитирования» [Шмелева, 1988-б, с. 36]. Другими словами, маркирование информации, сообщаемой от лица говорящего, в силу очевидности избыточно.

Факультативность использования показателей авторизации связывается с функционированием «авторизационного ключа», то есть распространения на все высказывания текста указания на источник информации от начала текста «до знака переключения» (ссылки уже на другой источник) [Там же].

Семантика авторизации может быть выражена (примеры приведены из романа Е. Водолазкина «Авиатор»):

– авторизующими предикатами

Говорил ей: в холода носи шапку, иначе отморозишь уши. Посмотри, говорил, сколько сейчас прохожих без ушей (с. 11).

– вводно-модальными словами (выражениями) и частицами

*Сегодня днем прилетели на самолете в Москву. Гейгер меня учит: слово “самолет” можно опускать, понятно, **дескать**, что не на аэроплане (с. 68).*

– предложно-падежными формами имени с вводной семантикой

*Гейгер убеждал меня, что мой реабилитационный курс должен остаться в науке. Реагируя на крысу, он предложил поставить всех в равное положение – меня, Настю и его. События, **по его мнению**, предстанут в трех измерениях, так что взгляд на происходящее будет объемным (с. 223–224).*

– обезличенными конструкциями (с синтаксически и стилистически значимым устранением номинации лица)

Маркс – мне, постукивая тростью:

– Линии построения – это фундамент работы. Вы не завершили построение формы, рано переходить к светотеневой моделировке. А я, видимо, перешел. Зачем, спрашивается? (с. 249).

– сложноподчиненными предложениями с придаточным изъяснительным

*Кратко заезжал Гейгер, привез денег. Он их мне не в первый раз привозит, а я всё **не спрашиваю**, откуда они. Хотелось бы надеяться, что от правительства, в счет компенсации – или от Думы, там, от президента (с. 187)*

1.3.2. Категория персуазивности

Персуазивность (от лат. persuasio) — 1) уговаривание, уверение; 2) убеждение, мнение, уверенность [Дворецкий, 1976, с. 757]. Понятие персуазивности неоднозначно

трактуются в лингвистике. В ряде современных отечественных работ, а также в большинстве зарубежных персуазивность рассматривается как один из видов манипулирования сознанием и поведением речевых партнеров или как совокупность средств и приемов, направленных на усиление аргументов в процессе аргументирования: см. [Pratkanis, 1992; Голоднов, 2003 и др.]. В связи с таким пониманием персуазивности Р.Т. Лакофф [Lakoff, 1982] выделила особый вид дискурса — персуазивный, целью которого является убеждение собеседника.

Другие исследователи, в частности с Т.В. Шмелева, интерпретируют персуазивность как модусную категорию, обозначающую рефлексия автора в отношении своего или чужого высказывания с точки зрения достоверного или недостоверного характера передаваемой информации: см. [Шмелева, 1984, 1988-а, 1988-б, 1995; Ревякина, 2006; Ламбарджян, 2015; Долженко, 2019 и др.].

Мы, вслед за В.А. Белошапковой, понимаем персуазивность как «оценку говорящим объективного содержания предложения со стороны его достоверности / недостоверности, выражение уверенного или неуверенного знания» [Белошапкова, 1989, с. 683]. Характер оценки субъектом речи содержания предложения гносеологический. Она определяется уровнем знания автора речи и его информированности о сообщаемом. «Знание — это результат процесса познания действительности, получивший подтверждение в практике; адекватное отражение объективной реальности в сознании человека» [Горский, 1991, с. 58].

План содержания персуазивности организуется дихотомией «уверенность / неуверенность в достоверности излагаемой информации» и указанием на степень неуверенности вплоть до уверенности в обратном.

План выражения персуазивности формируется таким образом, что семантика уверенности (отсутствие сомнений в достоверности), как правило, не получает специального выражения с помощью каких-либо показателей (выражается имплицитно). Маркирование уверенности говорящим в основном служит для усиления утверждения, при этом показатели уверенности имеют адресную природу [Шмелева, 1995]. В высказывании присутствует стремление говорящего убедить адресата в том, что событие происходило так, а не иначе, что не могло быть иного развития ситуации. Таким образом, функция экспрессивных показателей уверенности, усиливающих утверждение, сводится к тому, чтобы устранить возможные сомнения собеседника.

Специальные средства вводятся в случае неуверенности автора, точнее, при его намерении осведомить об этом адресата речи. Цель такого оповещения может быть различной: это либо снимает ответственность с говорящего за передачу недостаточно

проверенных сведений, либо таким образом достигается эффект синтаксической вежливости, исключающей категоричность изложения своих взглядов и мыслей.

Поскольку оценка достоверности / недостоверности плана содержания высказывания находится в непосредственной зависимости от личности говорящего, все исследователи, несмотря на разногласия в трактовке понятия («модальность достоверности» — [Беляева, 1990; Яковлева, 1994 и др.]; «модальность истинности» — [Грепл, 1978]; «персуазивная модальность» — [Панфилов, 1977; Бондаренко, 1977; Большакова, 1993 и др.]; «эпистемическая модальность» — [Шатуновский, 1996; Мустайоки, 2006 и др.]; «модализация» — [Halliday, 2002]), относят персуазивность к субъективной модальности.

Основанием для оценки достоверности суждения служат три типа информации:

1) непосредственная информация, основанная на перцептивном восприятии, непосредственном контакте с предметом речи, приобретенном опыте (Е. С. Яковлева называет такого рода информацию «характерной»);

2) косвенная информация, на основании которой говорящий может путем рассуждения и логического вывода сделать оценку ее достоверности («нехарактерная» информация в терминологии Е. С. Яковлевой);

3) информация, полученная от третьих лиц [Яковлева, 1994, с. 218–219].

Степень достоверности содержания передаваемой информации определяется и выражается говорящим. На основании «градуса» уверенности / неуверенности адресанта в истинности сообщаемого маркеры персуазивности можно расположить на семантической шкале, состоящей из двух полюсов. Один из них содержит средства выражения наибольшей степени сомнения, другой — показатели наибольшей уверенности говорящего в сообщаемом.

Как и авторизация, персуазивность обязательна в плане содержания, но факультативна с точки зрения ее выражения. Отсутствие сомнения (= уверенность) в достоверности сообщаемой информации выражается имплицитно. Необходимость эксплицитного выражения персуазивности появляется в ситуациях отклонения от нормы, каковыми являются отсутствие достаточных знаний у говорящего о предмете речи, потребность говорящего исключить категоричность своих высказываний или, наоборот, при намерении воздействовать на собеседника, «навязать свою точку зрения» [Шмелева, 1988, с. 37].

Лексически семантика персуазивности выражается:

– вводно-модальными словами (выражениями) и частицами

*Подумалось вдруг, что лучше бы уж Маркс, **наверное**, рисовал – он и многочисленные его последователи* (с. 204).

– ментальными глаголами

Не знаю, что именно задержало Зарецкого, но лицо его было грустным (с. 405).

– наречиями

Я лежал в жидком азоте, а она выросла, расцветала, увядала, дряхла. Портился, видимо, ее характер, ругалась с коллегами по работе (кем она, интересно, стала?), мужа называла насекомым. Наверняка ведь называла — мужа-энтомолога. Как не назвать? (с. 167–168).

– служебными словами (союзами и частицами)

*Как их обоих удивила просьба помочь мне в описаниях – **неужели** она и в самом деле такая странная? Они мне на всё кивали, но их лица, лица... Конечно, фон для моих поступков неблагоприятный – возможные мозговые нарушения и т. д. и т. п. Но **неужели** суть моей идеи не очевидна? (с. 348)*

– устойчивыми сочетаниями

*Человек как бы в задумчивости, хотя **на самом деле** ни о чем и не думает, просто отдыхает (с. 17).*

Кроме того, в качестве основных средств выражения персуазивности рассматривают также повторяющиеся разделительные союзы со значением предположительности, изъяснительные конструкции, в главной части которых заключен модус высказывания.

К периферийным средствам выражения персуазивности можно отнести неопределенные местоимения, местоименные наречия, изъяснительные союзы с соответствующей семантикой и другие, разнообразные средства выражения иронического отрицания, в том числе синтаксические мнимо-отрицательные конструкции, имеющие характер риторического вопроса.

Также необходимо отметить, что ключевую роль в выражении персуазивности в устной речи играют интонационные, просодические средства.

1.3.3. Категория оценочности

В лингвистической науке нет определенности в отношении употребления понятий «оценка» и «оценочность». Одна часть исследователей отождествляет эти термины, подразумевая в обоих случаях отношение говорящего к излагаемой информации [Вольф, 2002 и др.], другая — различает их: «Оценочность следует отличать от оценки, так как она не связана целевой установкой высказывания, поэтому оценочность многие относят к одному из модальных значений, которое наслаивается признаком хорошо/плохо на основное модальное значение реальности/ ирреальности, образуя так называемую модальную оценку» [Ивницкий, 2018, с. 11 и др.].

Оценочность как квалификативная модусная категория описана в работах В.Г. Гака [Гак, 1978], Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1984, 1988-а, 1988-б, 1995], О.А. Кобриной [Кобрина, 2006, 2011] и др.

В рамках настоящей работы мы будем придерживаться концепции Т.В. Шмелевой, определяющей оценочность как «выражение авторского позитивного или негативного отношения к диктумному содержанию в целом или какому-то из его элементов» [Шмелева, 1988-б, с. 38].

В отличие от авторизации и персуазивности, модусная категория оценочности является факультативной, то есть необязательной в плане выражения. Несмотря на это, оценочность располагает большим арсеналом разнообразных средств выражения:

– изъяснительные конструкции

*А если бы действительно оказаться в Кремле в те годы, рассказать им в глаза всё, что о нашей жизни было передумано! Смешно, конечно: ничего, ни слова не сказать, рта раскрыть не успеть – **хорошо**, если удалось бы только взгляд бросить* (с. 274).

– инфинитивные конструкции

*Что касается Насти, то врачи настоятельно рекомендуют ей никуда не ездить. Говорят, может **кончиться плохо*** (с. 392–393).

– местоименные предложения

*Ходила потом в Князь-Владимирский собор, договорилась о нашем венчании. Уточнили, с хором или без, – конечно, с хором. **Как же без хора?*** (с. 335)

– фразеологизмы

*Так вот, по словам Тюрина, предпринимателя, заехал он сегодня в Питер, и захотелось ему вечером устроить фейерверк – внезапно, без подготовки. Спросил, не обижаемся ли, что он **как снег на голову** – незнакомый, по сути, человек* (с. 284)

и др.

Приведенные примеры отражают реализацию общей оценки, кроме того, оценка может быть частной (по Т.В. Шмелевой — специализированной [Там же]):

*В России всё возможно, м-да. Есть в этом осуждение, что ли, даже приговор. Чувствуется, что это какая-то **нехорошая** безграничность, что всё направится известно в какую сторону* (с. 22).

Поскольку категория оценочности является необязательной, а также ввиду ее многоаспектности (данной теме можно посвятить отдельный научный труд) в практической части работы проводится анализ только квалификативных модусных категорий авторизации и персуазивности.

В завершение очерка о квалификативных категориях модуса стоит отметить, что каждая из них, как правило, реализуется в совокупности с другими. Границы между неоднородными категориями размыты. Взаимосвязь семантики авторизации и персуазивности обусловлена характером получаемой информации и степенью ее достоверности. Степень доверия автора речи к источнику информации определяет ее квалификацию как надежной (достоверной) или ненадежной (недостоверной). В то же время синкретизм персуазивности и оценочности проявляется в том, что экспрессивное выражение уверенности / неуверенности нередко сопровождается положительной или отрицательной оценкой говорящего к пропозитивному содержанию высказывания.

1.4. Специфика реализации модуса в художественном тексте (на примере романа «Авиатор» Е. Водолазкина)

Отличительной чертой художественного произведения является вымысел, который погружает в создаваемый автором мир как самого автора, так и читателя — главного интерпретатора написанного. Благодаря вымыслу модус художественного текста сближает автора (адресанта) и читателя (адресата сообщения), а посредником между ними выступает персонаж — сотворенное «я», вбирающее в себя все закладываемые и считываемые смыслы.

Кроме того, «модус в художественном тексте помогает автору достроить свой виртуальный мир, а вслед за этим — виртуальный мир читателя» [Копытов, 2012, с. 144]. Отмечается, что одна из «главных функций модуса в тексте (в особенности поля модусного субъекта) — это функция переключения: сознания повествователя на сознание автора-во-плоти, сознания повествователя — на сознание персонажа N, сознание персонажа N — на сознание персонажа N1, и т.д.» [Там же, с. 144–145].

В художественном повествовании модус всегда проявлен, поскольку именно он позволяет автору изобразить субъективное (модусное) отношение героев к происходящим событиям и друг к другу.

Тип повествователя в художественном произведении играет большую роль в выборе автором форм реализации модуса. Так, рассказчик, который является участником описываемых в произведении событий (как происходит в анализируемом нами романе «Авиатор»), обладает преимуществом перед безличным повествователем в плане оценивания окружающей действительности, событий, других персонажей и т.д.

Роман является самым сложным и наиболее интересным, с исследовательской точки зрения, из всех литературных жанров. «Чтобы увидеть формы прямого, наиболее зримого присутствия автора в романе (подлинного, не “повествователя”), нужно найти такие

ситуации, когда романная форма “я” будет равна содержанию “говорящий”, то есть как минимум отбросить все условности и условия художественности и низвести сложную семиотику романа к простому, чисто лингвистическому знаменателю» [Там же, с. 152].

О.Н. Копытов выделяет два подхода, делающих возможным вычленение собственно авторского начала в романе:

1) *логический* подход заключается в том, чтобы выявить случаи, когда «автор-повествователь одновременно является главным героем и в своих внутренних монологах рассуждает так, как может рассуждать только автор, но не данный персонаж»;

2) *филологический* подход отражает ситуацию, когда автор выходит из условного пространства романа, маркируя это, и обсуждает, оценивает своих персонажей. [Там же, с. 152–156].

В свете вышеизложенного одной из самых важных текстостроительных функций модуса в художественном произведении является выделение подлинно говорящего автора и его интенции. Попытка рассмотрения «Авиатора» Е. Водолазкина с этой позиции осуществляется на третьем уровне анализа реализации квалификативных модусных категорий (см. Главу 2 настоящей работы).

Стоит отметить, что рассмотрение квалификативных модусных категорий в целом является плодотворным для выявления специфики реализации модуса в художественном тексте. В частности, показатели авторизации и персуазивности делают более явной фигуру автора как источника мнения, излагаемого в произведении. Например, все контексты романа «Авиатор» с авторизационным маркером *говорят*, не привязанные к сюжету и отсылающие к человеческому опыту в принципе, на самом деле отражают лишь жизненный багаж знаний автора:

У нее улыбка, как у Анастасии. Говорят, дети идут не в родителей, а в дедушек и бабушек (с. 175); *Говорят, тому, что делалось в концлагерях, нет срока давности* (с. 186); *Говорят, неполная правда – ложь* (с. 188); *Я не могу определить тех изменений, которые произошли в Насте. Стала раскованней? Уверенней в себе? Вот говорят, женщину можно узнать только в браке* (с. 253–254).

Кроме того, текстостроительная роль модуса в «Авиаторе» усложняется и за счет того, что Е. Водолазкин (автор-мужчина) пишет в частности от лица Насти (роль персонажа-женщины). О языковых способах передачи черт женского текста в романе подробнее изложено во второй главе настоящего исследования.

Таким образом, модус (и его квалификативные категории в частности) в пространстве художественного текста всегда ориентирован на трехчастную структуру «автор — персонаж — читатель». Модус позволяет, во-первых, очертить границы

присутствия реального автора в тексте, а во-вторых, на языковом уровне выстроить связь между автором и читателем.

1.5. Вводные слова и их участие в реализации квалификативных модусных категорий

Антропоцентрический подход в лингвистике обусловил неугасающую актуальность изучения функционирования вводно-модальных слов в устной и письменной речи. «Внимание к языковой личности, творящей текст, приводит к тому, что в сферу особого интереса попадают прежде всего те языковые средства, которые способны репрезентировать субъективные смыслы в высказывании» [Пляскина, 1998, с. 49].

Пристальный интерес к вводно-модальным словам на русской почве связан с работами В.В. Виноградова [Виноградов, 1972, 1975], который обозначил такие вехи в исследовании данного класса слов, как их происхождение, место в частеречной системе, отношение к категории модальности, взаимосвязь с определенными частями предложения. В целом исследователь впервые определил и описал функциональную направленность класса модальных слов: «Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи» [Виноградов, 1972 с. 594].

В дальнейшем к проблеме вводных слов (в различных аспектах исследования) обращались А.Г. Руднев [Руднев, 1968], Т.С. Алгазина [Алгазина, 1994], П.А. Лекант [Лекант, 1988, 2007] и др. Несмотря на глубокий интерес ученых к данной теме, вопрос о синтаксическом статусе вводных слов остается в лингвистической науке нерешенным. Исследователи, изучавшие данное языковое явление, основывались на понимании вводных слов как элементов структуры высказывания. Для одних ученых этот языковой класс представляет собой «сопутствующие обстоятельства» [Шахматов, 2001], для других — «вводные члены предложения» [Мещанинов, 1945; Руднев, 1968], для третьих — «самостоятельные распространители предложения типа детерминантов» [Шведова, 2005].

Обобщая взгляды исследователей, можно отметить, что вводные слова:

а) служат для обозначения отношения субъекта речи к высказанной мысли [Виноградов, 1975 и др.];

б) грамматически не связаны с предложением, в котором употребляются (то есть они не вступают ни в сочинительные, ни в подчинительные связи с членами предложения) [Аникин, 1956 и др.];

в) «не как-то внешне накладываются на предложение», а являются «неотъемлемым элементом его структуры» [Золотова, 1973].

Предложение с вводным компонентом всегда затрагивает две разные ситуации — диктумную (ситуацию реальности, которая рассматривается говорящим как действительная) и модусную (ситуацию говорящего, который как бы со стороны оценивает действительное положение дел, описываемое в предложении).

Как заметил А.М. Пешковский, «вводные слова и сочетания потому не являются частями данной мысли, что когда-то составляли часть другой мысли» [Пешковский, 2001, с. 410]. Рассмотрим это на примере языкового материала в романе «Авиатор» Е. Водолазкина.

По-моему, в нынешней жизни слишком много шоу. Говорю как человек, целую неделю смотревший телик (с. 92) = «Я не знаю, каково положение вещей на самом деле, но думаю так, основываясь на недельном просмотре телевизора».

С семантической точки зрения вводно-модальные слова передают значения «мысли, речи, восприятия, оценки, эмоциональных, интеллектуальных, волевых, узуальных состояний, разнообразных отношений, связей и зависимостей, меры, степени, качественности или количественности» [РГ-80, с. 229].

В обобщенном виде в Русской грамматике 1980 года выделяются следующие значения вводных компонентов [РГ-80, с. 230–231]:

1) Акцентирование, подчеркивание, выделение речи в сочетании с усилением и с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание (*напоминаю, подчеркиваю, поверьте, заметим, можете себе представить, к примеру* и др.).

Авторы грамматики отмечают, что в ряде случаев указанные значения нивелируются, и вводные оказываются в роли почти пустых вставок. Стоит отметить, что в романе «Авиатор» при употреблении героями вводных слов и выражений этой группы, когда происходит ослабление основного значения, накладывается кваликативная модусная семантика:

– *Каким вам запомнился день октябрьского переворота?*

– *Знаете, он мне даже не запомнился. Уже потом, поняв, что это за день такой, я его в памяти восстановил* (с. 153).

В приведенном контексте значение уверенности (в аспекте желания воздействовать на собеседника, убедить его) передается при помощи вводно-модального слова **знаете** в совокупности с основным значением акцентирования внимания. Так или иначе, маркеры этой семантической группы сохраняют адресную направленность.

2) Выражение субъективного отношения, эмоциональных реакций, интеллектуальных оценок говорящего:

– радости, одобрения, положительной оценки (*к счастью, что хорошо* и др.);

– сожаления, неодобрения, отрицательной оценки (*увы, как нарочно, на беду* и др.);
– удивления, недоумения (*странное дело, к удивлению кого-либо* и др.)
– опасения (*неровен час, не дай бог, чего доброго* и др.)
– оценки говорящего с точки зрения достоверности (*наверное, как видно, разумеется* и др.).

3) Выражение отношения к стилю, к манере речи, к характеру и способу изложения информации (*грубо говоря, вернее сказать, одним словом, если можно так выразиться* и др.).

4) Выражение связей, отношений и зависимостей, а также обозначение местоположения в строе текста (*к тому же, следовательно, стало быть, тем более, во-первых* и др.); выражение соответствия чему-нибудь (*как водится, по преданию, как всегда* и др.); обозначение противопоставленности (*напротив, наоборот* и др.).

5) Указание на источник, на отнесенность к автору речи (*как известно, по слухам, по мнению кого-либо, как говорят* и др.).

6) Характеристика сообщаемого со стороны меры, степени или ограниченности чем-либо (*в той или иной степени, по крайней мере* и др.).

7) Характеристика по протеканию во времени, по отношению ко времени (*случается, как это бывает* и др.).

Стоит отметить, что категории авторизации и персуазивности реализуются с помощью сочетания семантики разных групп. К примеру, главенствующим значением вводного **прямо скажу** будет все же указание на источник информации и на мнение говорящего, тогда как выражение отношения к стилю будет вторичным:

*Гейгер возразил мне, что крысы дневников не ведут и что никто не мешает мне (взгляд на Настю) сливаться с новой жизнью. Он был, **прямо скажу**, настойчив. Гейгер убеждал меня, что мой реабилитационный курс должен остаться в науке (с. 223–224).*

В отношении своей грамматической формы группа вводно-модальных слов, словосочетаний и предложений образуется спрягаемыми формами глагола, инфинитивами, деепричастиями, существительными и местоимениями-существительными (в разных падежных формах, без предлоги с предлогами), наречиями и предикативами (словами категории состояния), а также глагольными и именными фразеологизмами [АГ-80, с. 229].

К числу признаков, объединяющих все вводно-модальные слова и выражения, в Русской грамматике 1980 года относится также их «мобильность» в предложении, то есть способность свободно занимать позиции в начале, середине и конце предложения [АГ-80, с. 230].

Однако положение вводного компонента всегда обусловлено тем, относится ли он ко всему предложению или к какой-либо его конструктивной части: в первом случае вводное слово / выражение / предложение зачастую занимает начальную или конечную позицию, а во втором — интерпозицию (то есть вводный элемент непосредственно предшествует той части, которая получает соответствующую модальную оценку).

Ср.: *Говоря о туземцах, не имею ни малейшего представления об их землях. Возможно, они были как-то связаны с Робинзоном – я тогда очень на это рассчитывал* (с. 144); *Так ведь было – у меня, ну не придумал же я это, в самом деле* (с. 29); *Обидно то, что начиналось общение хорошо, можно сказать, доброжелательно, а потом слово за слово все переругались* (с. 11).

Кроме того, местоположение вводного компонента, если он находится в интерпозиции, как правило, указывает на границу между темой и ремой (данным и новым) в предложении: *Таких неизвестно откуда всплывших фраз у меня уже несколько. У них есть* (тема), */наверное/, своя история, а я произношу их как в первый раз* (рема) (с. 22).

Также вводно-модальные элементы занимают строго определенное положение, когда они участвуют в установлении синтаксических связей между предложениями в контексте (таких случаев постановки вводных в романе Е. Водолазкина «Авиатор» особенно много): *Что касается Насти, то врачи настоятельно рекомендуют ейникуда не ездить. Говорят, может кончиться плохо* (с. 392–393).

И наконец, место вводно-модальных слов в составе предложения обуславливается выполняемой ими функцией: анализ показал, что в ряде случаев они не только помогают говорящему квалифицировать информацию, но и берут на себя функцию союза или частицы (при этом они употребляются в начале предложения):

Удивили приборы — я таких никогда не видел. Я-то, конечно (= усилительной частице), *не специалист поприборам, и всё, что я о них могу сказать, не более чем мое ощущение, ноощущение это необычное»* (с. 33);

Щелканье крышки, легкая гримаса — вроде как неудовлетворенность временем, вроде как бежит слишком быстро — смотрел на часы, когда скучал или сомневался. Когда стеснялся — тожесмотрел, спасительный был такой жест. А может, и не жест, может (= разделительному союзу), *что-то большее, связанное с отпущенным ему сроком, — предчувствие, что ли?* (с. 51–52).

Также вводно-модальные слова, занимающие препозитивную позицию, почти всегда употребляются в вопросительных предложениях. Но и здесь с оговоркой: чаще всего вводные компоненты маркируют не собственно вопросительные предложения, а предложения-«размышления» [Анисимова, 2005, с. 68]:

*Помню много разных мест и людей, — сообщил я, волнуясь, Гейгеру, — помню какие-то высказывания. Но хоть убей — не помню, кто именно какие слова произносил. И — где. Гейгер спокоен. Он надеется, что это пройдет. Он не считает это существенным. **А может**, это и вправду несущественно? **Может**, имеет значение толькото, что слова были произнесены и сохранились, а уж кем и где — дело десятое? (с. 17).*

Таким образом, относясь к конкретной части или к предложению в целом, вводно-модальные компоненты обогащают структурно-семантическую модель высказывания. В целом ряде случаев они способны выражать несколько модусных смыслов, актуализация которых будет зависеть в том числе и от позиции вводного элемента в предложении. В этом заключается их коммуникативная значимость и функционально-семантический потенциал.

Выводы по Главе I

В данной главе были рассмотрены следующие теоретические аспекты исследования проблемы: соотношение понятий «модус» и «диктум», «модус» и «модальность», функционирование эксплицитно выражаемой модусной рамки высказывания, рассмотрение категорий модуса и реализация квалификативных модусных категорий, специфика проявления модуса в художественном тексте, а также участие вводных слов в реализации квалификативных модусных категорий.

Были сделаны следующие выводы:

1. В лингвистической науке нет однозначного мнения о соотношении понятий модус и модальность. Часть исследователей отождествляет их, часть придерживается мнения об отношениях включенности одного понятия в другое. В настоящей работе понятие «модус» понимается шире понятия «модальность», поскольку своим содержательным объемом охватывает и коммуникативно-синтаксический и логико-синтаксический аспекты предложения.

2. Четыре семантических плана высказывания (перцептивный, когнитивный, эмотивный, волеизъявительный) служат для выражения эксплицитного модуса. Квалификативные модусные категории на планах содержания и выражения коррелируют с модусами данных семантических групп: авторизация и персуазивность соотносятся с перцептивными и когнитивными модусами, оценочность — с эмотивными.

3. Анализируемые в данной работе квалификативные категории (авторизация, персуазивность и оценочность) представляют собой отношение автора к содержанию высказывания, квалификацию в соответствии с его замыслами и представлениями. В основании каждой категории лежат семантические бинарные оппозиции: «авторское» / «цитируемое» (авторизация), «уверенность» / «неуверенность» и «достоверность» / «недостоверность» (персуазивность), «хорошо» / «плохо» (оценочность).

4. Модус в художественном тексте всегда эксплицирован. Основная текстостроительная художественная функция модуса — выстраивание связей между элементами триады «автор — персонаж — читатель».

5. Вводные компоненты привносят в заданную диктумную ситуацию модусный аспект говорящего. Вводные слова и словосочетания могут создавать модусную рамку конкретного предложения, высказывания или текста в целом. В предложении функционирование вводно-модальных компонентов зависит от их положения: пре-, интер- или постпозиции. Коммуникативная значимость и функционально-семантический потенциал вводных слов раскрывается в их способности выражать несколько модусных смыслов.

Глава II. Поэтика романа Е. Водолазкина «Авиатор» и участие вводных слов в ее создании

2.1. Кваликативные модусные категории в романе «Авиатор» как способ создания его поэтики

«Авиатор» — третий роман Евгения Водолазкина, вышедший в 2016 году после «Соловьева и Ларионова» (2009) и «Лавра» (2012).

Сюжетная канва «Авиатора» строится на том, что ровесник XX века, очнувшийся в беспмятстве на больничной койке в 1999 году в результате разморозки после эксперимента по крионике, пытается по фрагментам из воспоминаний восстановить свое прошлое и приспособиться к настоящему. Неслучайно сам автор называет свое произведение «романом познания» [Водолазкин, 2018], поскольку Иннокентий Платонов познает мир былой и нынешний, а также себя в этом мире.

Большинство исследователей произведений Е. Водолазкина сходятся во мнении, что «Авиатор» явил собою новый этап в творчестве писателя. После большого успеха «Лавра» читательская аудитория ждала от автора не менее выдающегося произведения. Водолазкин «не стал эксплуатировать ходы и приемы “Лавра”, за что ему уже следует воздать должное» [Аросьев, 2016]. В «Авиаторе» «отразились творческие поиски на всех уровнях поэтики — это и упрощение художественного языка, и жанровые и композиционные эксперименты, а также обновленный идейно-тематический комплекс, направленные на создание текста, существенно отличающегося от романа “Лавр”» [Бочкина, Голубков, 2018, с. 189].

Анализируемые в настоящей работе кваликативные модусные смыслы оказываются значимыми для реализации художественного замысла автора. Они позволяют лучше раскрыть специфику различных уровней поэтики романа «Авиатор» (в частности, композиции, жанра и пространственно-временной организации повествования). Рассмотрим подробнее каждый из этих уровней в связи с актуализацией кваликативных модусных категорий.

Композиция

Роман имеет двухчастную композицию: в первой части представлены дневниковые записи Иннокентия Платонова (герой, анализируя, записывает свои воспоминания и впечатления от нового времени, в котором он только оказался), во второй — Платонова, его доктора Гейгера и возлюбленной Насти (здесь персонажи пишут об одних и тех же эпизодах прошлого и настоящего, каждый со своей позиции).

«К концу второй части описания событий и их восприятия героями не помечены ни днем недели, ни именем персонажа и существуют по гоголевской формуле “никогого числа”, но с добавлением “никто”» [Чернейко, 2020, с. 138]. Восстановить принадлежность той или иной записи без пометы об авторстве помогают, помимо родового маркирования пишущего:

1) характерные номинации героев (к примеру, Платонова Настя обозначает как «Платошу», а Гейгер как «Иннокентия»);

2) контекст предыдущих записей;

3) манера письма героев (Платонова отличает образное, поэтическое изображение событий, внимание к деталям, Гейгера — более строгий, сдержанный стиль, а Настю — эмоциональность, более присущая женскому письму, и стилистическая маркированность просторечными, сленговыми употреблениями и др.):

По ТВ выступает какой-то авиаэксперт. Говорит, что принято решение садиться “на брюхо”, и теперь, стало быть, готовят полосу. Заэкранный этот треп раздражает (с. 408).

Подробнее об этом см. в непосредственном анализе вводных компонентов в речевых партиях героев (рассмотрение ментального и психоэмоционального «я» персонажей).

Небезынтересно соотношение частей романа и с точки зрения проявления в них квалификативных модусных категорий. Количественное употребление контекстов с показателями авторизации, персуазивности и совокупного выражения этих значений в речевых партиях героев представлены в следующей таблице.

	Платонов		Гейгер		Настя	
Общее количество контекстов	163		57		44	
Расположение контекстов	Первая часть	Вторая часть	Первая часть	Вторая часть	Первая часть	Вторая часть
Значение авторизации	7	9	0	11	0	12
Значение персуазивности	30	16	6	23	0	7
Совокупная реализация значений	64	45	4	13	0	25

Как видно из таблицы, реализация категории авторизации «в чистом виде» в первой части не представлена в речи Гейгера и Насти. Это может быть обусловлено тем, что первая часть содержит дневниковые записи только Иннокентия и реплики других

персонажей подаются в диалоге и через призму восприятия главного героя. «Право голоса» в полном объеме Гейгер и Настя получают только во второй части «Авиатора», в связи с чем становится возможным проявление авторизационного параметра, указывающего на источник высказывания.

Показательным является и количество примеров словоупотребления Платоновым вводных компонентов с персуазивной семантикой в первой части романа. Герой постепенно восстанавливает реальность, поэтому он естественным образом маркирует свое отношение — уверенность / неуверенность — к достоверности описываемых событий. А количество контекстов совокупной реализации авторизационной и персуазивной семантики свидетельствует о том, что в первой части в большей мере происходит самоопределение Иннокентия через слово, маркированное в том числе указанием на источник этого слова.

Жанр

Жанр «Авиатора» можно обозначить как роман-дневник. Дневниковая форма письма сама по себе выводит модусное содержание записей на первый план. Происходящие в реальности события (диктум) подаются через призму субъективного восприятия пишущего.

В романе «Авиатор» слово как таковое является концептуальной категорией, выражающей бытийное значение. Именно через слово Иннокентий Платонов воссоздает утраченную реальность и конструирует новую — в первую очередь, для будущей дочери: «Просто дневник обрел смысл, став дневником для Анны — книгой жизни для пока нерожденной дочери Платонова и Насти» [Секретов, 2016]. «Иннокентий ведет дневник с целью сохранить каждое воспоминание в вечности» [Бочкина, Голубков, 2018, с. 193].

Кроме того, важно отметить, что все три пишущих героя романа, по сути дела, описывают Иннокентия Платонова как личность и то, что с ним происходило или могло происходить — «каждый со своей точки зрения и в меру своего понимания» [Петухова, 2021, с. 50].

Понимание Иннокентием, Гейгером и Настей того, что их дневниковые записи будут прочитаны, накладывает отпечаток на модусную организацию высказываний. Все написанное автоматически приобретает адресную природу. Соответственно, бо'льшую степень воплощения получает категория авторизации, маркирующая источник информации / мнения.

Пространственно-временная организация повествования

Временной континуум в романе, охватывающий без малого сто лет, представлен двумя наиболее значимыми отрезками:

1) с 1900 года по 20-е годы XX века, отражающие детство героя до революции, молодость в постреволюционном Петербурге, ад Соловков и заморозку;

2) чуть больше полугода после разморозки зимой 1999 года.

Исторические события мало интересуют Платонова, он живет не событиями, а явлениями: наблюдением за плывущими по небу облаками, за узором обоев на стене и многим другим. Для героя личная история оказывается важнее общественной, поскольку она может быть необусловлена временными рамками — вневременна. Это понятие включает в себя нахождение вне времени как универсальность проявления чего-либо во времени (Платонов хочет зафиксировать для своей дочери события, воспринимаемые перцептивно: через звуки, запахи и т.д., то есть через то, что существует всегда), так и отсутствие проявления в принципе. Второй аспект чаще всего сопряжен и с лишенностью (своего) места в пространстве:

Читал Бахтина. Время от времени Гейгер приносит мне книги, которые, по его словам, образованному человеку нужно знать — хотя бы в первом приближении. <...> Подумал вдруг о лишенных времени и пространства: да ведь это мертвецы. Получается, что мы с Робинзоном — полумертвые. А может быть, и мертвые — для тех, кто нас знал в прежнем времени и прежнем пространстве (с. 296–297).

Несмотря на это, Иннокентий чувствует особую ответственность перед новым для себя временем:

Думая сейчас о моей разморозке, я — ввиду количества ушедших лет — спрашиваю себя: не стала ли она воскрешением целого поколения? Ведь любая деталь, которую я сейчас припоминаю, автоматически становится деталью эпохи. А может быть, дело не в детали, а целом? Может, как раз для этого я воскрешен, чтобы мы еще раз поняли, что с нами произошло в те страшные годы, когда я жил? (с. 279).

Риторические рассуждения маркируются вводными компонентами с основным персуазивным значением неуверенности. Показатели персуазивности, выполняющие дополнительную функцию разделительных союзов, придают высказыванию модусный оттенок предположительности, которая в речи Платонова граничит с уверенностью в необходимости осознанной передачи событий и явлений своей эпохи.

При этом герой часто сравнивает прошлое и настоящее, маркируя высказывания: *На телевидении меня сначала гримировали — пудрили лицо, распыляли на волосы лак из железной банки. В мое время это называли пульверизатором, а сейчас — спреем. Спрей, конечно, короче (с. 139); Убирая со стола тарелки, коснулась ногой моего бедра. В моем с*

ней “вы” нет того накала, что был когда-то с Анастасией. **Наверное**, время изменилось: то, что было заветным, сейчас кажется церемонным и нелепым (с. 215).

В высказываниях Платонова нередко происходит совмещение временных планов. Анализ материала выявил следующее:

– 36 контекстов употребления квалификативных вводных компонентов непосредственно относятся к воспоминаниям (все они за исключением одного сконцентрированы в первой части романа), например:

*Ничего этого я Севе не говорю, потому что не хочу его дальше сердить. В другом случае, **может**, и сказал бы, а сейчас не хочу. Мне дорог этот летний день, гудки пароходов на Неве, наше движение по дорожке. “Партия — это сила”. А Сева, **думаю я**, шагая рядом с ним, — слабый* (с. 160);

– 76 контекстов отражают размышления героя в настоящем времени:

*К вопросу о сознании: я его вчера терял. Гейгер с Валентиной сильно перепугались. Очнувшись, видел их опрокинутые лица — **похоже**, им было бы жаль меня потерять. Приятно, когда по какой-то причине в тебе нуждаются, — даже если эта причина не личная, а чистое, **так сказать**, человеколюбие. Весь вчерашний день Гейгер не возвращал мне мои листы. Боялся, **видимо**, что накануне я в своих писаниях перенапрягся* (с. 19);

– 51 пример выражает переключение временных планов (чаще всего герой вспоминает что-то из прошлого и одновременно рефлексиирует над этим в настоящем):

*Как я выглядел в ледяном плену — как голубь? Как спящая, **может быть**, царица? Проступало ли сквозь лед мое бескровное лицо и были ли у меня закрыты глаза? Или льда вовсе не было? **Скорее**, не было — замораживают, **как я читал**, азотом. В иные дни на острове мне и самому хотелось замерзнуть. Сесть под дерево и забыться* (с. 111).

Рассмотрение некоторых других особенностей поэтики романа «Авиатор» (в частности, специфики идейно-тематического комплекса) через их соотношение с квалификативными модусными категориями осуществляется далее при анализе идейно-философских замыслов автора в речевых партиях главных героев произведения.

2.2. Методика рассмотрения вводных слов и выражений в речи героев

Методом количественной выборки выявлено 264 контекста употребления вводных компонентов персонажами (163 — в речи Платонова, 57 — в речи Гейгера, 44 — в речи Насти).

В настоящем исследовании представлен поуровневый анализ употребления вводных слов и конструкций в речевых партиях героев произведения: от первичного, строго лингвистического рассмотрения актуализации квалификативных модусных категорий (без

их соотносённости с поэтикой романа) до выявления идейно-философского замысла автора, выражаемого в том числе посредством исследуемых модусных категорий. Каждый последующий аспект рассмотрения учитывает результаты, сделанные на предыдущем этапе, и предполагает углубление семантического анализа романа «Авиатор». Этапы анализа имеют следующую последовательность:

1. Актуализация ядерного и периферийного (переносного) значения авторизации и персуазивности.
2. Отражение психоэмоционального и ментального «я» героев романа.
3. Использование квалификативных модусных категорий для воплощения идейно-философских замыслов автора.

Итак, на первом этапе анализа предполагается исследование контекстов вне их соотносённости с художественной системой произведения (сюжетной канвой, характеристикой персонажей, хронотопом романа и прочим). Иными словами, выявляется выражение ядерного, то есть прямого значения вводных компонентов, реализующегося через типичные для авторизации и персуазивности маркеры. Также при первичном анализе рассматривается актуализация периферийного (переносного) значения квалификативных модусных категорий, что позволяет сделать шаг в сторону раскрытия их стилистического потенциала.

Примером нетипичной реализации персуазивности может послужить реплика Гейгера, обращенная к Платонову: *Валентина снова беременна, и я, **представьте себе**, к этому не причастен* (с. 115). В приведенном контексте семантика уверенности в достоверности передаваемой информации эксплицируется в том числе благодаря вводному выражению **представьте себе**, служащему в первую очередь для привлечения внимания собеседника к сообщаемому.

Множественность субъективных точек зрения в повествовании позволяет вычленивать и оценить индивидуальные черты каждого персонажа. В связи с этим второй уровень анализа предполагает рассмотрение вводных слов и выражений как средство отражения психоэмоционального и ментального «я» главных речевых субъектов романа — Иннокентия Платонова, Гейгера и Насти. Сам Е. Водолазкин называет «Авиатора» романом «персонального сознания» [Водолазкин, 2016], соответственно, специфика проявления индивидуального в образах персонажей раскрывается в модусной организации произведения. Употребление показателей авторизации, в частности, показывает отношение героев к «своему» и «чужому» — мнению, слову, мысли, в то время как использование персуазивных маркеров, как правило, характеризует не только

уверенность / неуверенность говорящих в достоверности излагаемой информации, но и их самоопределение.

Наблюдения над материалом указывают еще на один аспект проявления категорий авторизации и персуазивности, связанный с углублением семантической организации романа «Авиатор». Кваликативные модусные категории играют немаловажную роль в реализации идейно-философских замыслов автора, выявление этой взаимосвязи и составляет фокус третьего уровня анализа употребления вводных слов и выражений в речи героев. Идейно-тематический комплекс «Авиатора» строится на таких понятиях, как время, история, справедливость, бытие-в-слове, память. Анализ кваликативных вводных слов и выражений позволяет проследить воплощение и преломление этих понятий в романе. В частности, исследование персуазивности позволяет выявить оценку героями достоверности отражаемого мира. Кроме того, весьма значимым для «Авиатора» оказывается соотношение персуазивности и времени в философском осмыслении.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению вводных слов и конструкций в речевых партиях персонажей «Авиатора», уточним некоторые особенности нашего анализа.

Во-первых, проведенный анализ не претендует на истину в последней инстанции. За каждым модусным словом или выражением стоит целая гамма эмоций и чувств героев — оттенков значения, поэтому то или иное слово (конструкцию) нередко трудно отнести к определенной семантической группе. Одна вводная единица может одновременно передавать и выражение субъективного отношения к сообщаемому, и желание уменьшить категоричность высказывания, и потребность заострить внимание на источнике информации, а также маркировать привлечение внимания собеседника. В связи с этим только контекст употребления вводных в романе позволяет избежать условного соотнесения многих примеров с авторизационной / персуазивной семантической группой.

Во-вторых, как отметила Е.И. Беляева, «по своей функции к вводно-модальным словам примыкают так называемые модальные фразы, среди которых можно выделить две группы. Первую группу составляют конструкции с формами 1-го л. ед. числа предикатов пропозиционального отношения со значением знания, мнения и полагания типа **Я считаю, Я думаю, Я полагаю** и их синтаксические синонимы **Мне думается, Можно думать, Мне кажется**» [Беляева, 1990, с. 159]. В связи с этим, несмотря на обозначенный предмет исследования — вводные слова и выражения, в некоторых случаях к анализу привлекаются вводные предложения и главные предложения с модусным значением, присоединяющие придаточное изъяснительное.

Например: *А мне кажется, что самые значимые вещи Платоша переживает молча*» (с. 358), «*Так, думалось мне, могло бы выглядеть приходящее возмездие, хотя о возмездии речи, конечно, не было*» (с. 361), «*Конечно, те же лица могли Зарецкого этим камнем и ударить – небольшими, я думаю, они были филантропами*» (с. 394).

В-третьих, даже если авторизационные или персуазивные маркеры обнаруживаются в косвенной речи, они анализируются в соответствии с тем, кто передает слова другого персонажа: *Я заметил, что за анархией обычно приходит авторитарное правление. Что, в сущности, очень грустно. А Иннокентий – сиделец Иннокентий! – сказал, что авторитаризм, возможно, меньшее зло, чем анархия. Сравнил население страны с глубоководными рыбами. Они, дескать, только и могут жить что под давлением* (с. 328). Поскольку автором приведенного контекста является Гейгер, подчеркнутый отрывок (передача высказывания Платонова) также относится к речевой партии доктора.

Наконец, в-четвертых, важно отметить, что чаще всего в одном контексте происходит пересечение авторизационной и персуазивной семантики: *1993 год, мы с матерью в Тунисе. Впервые отдыхаем за границей (и одни из первых!). Впервые без отца. Хотя и на его деньги – он присылает нам их из Америки. Официально от нас как бы еще не ушел, как бы на заработках еще, но всё с ним, как говорится, ясно. <...> Как я понимаю, большую часть дня он проводил у нее в номере. О чем я, собственно? Да, Тунис. <...> Вечера — особая песня. Удивительно свежие и приятные. С Африкой вроде бы не соотносимые, а вот поди ж ты... **Может быть**, именно они делали эту землю такой притягательной* (с. 299–300). Помимо этого, частотны случаи употребления говорящим квалификативных маркеров одновременно с авторизационным и персуазивным значением: *по-моему, на мой взгляд* (= «я не настаиваю на истинности излагаемой мною мысли, но при этом привлекаю внимание к тому, что я источник мнения и его оценки»), *думаю* (= вводным *по-моему* и *на мой взгляд* с еще меньшей степенью категоричности) и др.

Языковой материал романа образует сложные сочетания смыслов, поэтому взаимодействие категорий авторизации и персуазивности также составляет предмет нашего анализа.

Дальнейший анализ вводных компонентов проводится в зависимости от речевой партии персонажа, в речи которого они выявляются.

2.3. Особенности реализации квалификативных вводных компонентов в речи Иннокентия Платонова

1. Актуализация ядерного и периферийного (переносного) значения авторизации и персуазивности.

Среди 163 контекстов словоупотребления в речи Платонова квалификативных вводных компонентов 9 относятся к примерам актуализации авторизационной семантики (7 из них содержится в первой части романа, 2 — во второй). Показатели, маркирующие значение авторизации, представлены в таблице ниже (в скобках указано количество словоупотреблений).

Маркеры «своего» (речи, мнения, мысли...)	Маркеры «чужого»
(мне) кажется (30)	мол (7)
(я) думаю (25)	[Гейгер] говорит (6)
по-моему (11)	говорят (6)
скажем (так) (11)	по его [Гейгера] словам (3)
(по)думалось (мне) (11)	по лагерным меркам (2)
говорю (6)	как известно (2)
вообще говоря (5)	по словам Валентины (1)
спрашивается (5)	по словам Гейгера (1)
так сказать (4)	как объяснил мне Гейгер (1)
нужно / надо думать (4)	по версии обвинителей (1)
помню (4)	выражаясь доиндустриально (1)
прямо скажу (3)	выражаясь по Бунину (1)
судя по всему (3)	выражаясь научно (1)
(как) мне казалось (3)	как заметил сам же Гейгер (1)
(я) считал (3)	по его [Гейгера] мнению (1)
отвечаю (2)	смеются в редакции (1)
кстати говоря (2)	считается (1)
следует полагать (2)	если верить Гейгеру (1)
(я) чувствую (2)	[Настя] отвечает (1)
на мой взгляд (2)	[Валентина] отвечает (1)
по правде говоря (2)	как сказал бы Гейгер (1)
что называется (2)	докладывает староста класса (1)
(как) мне показалось (2)	продолжает староста (1)
если ничего не путаю (2)	соглашается учитель (1)
повторяю (2)	говорит староста (1)
(как) я заметил (2)	[мама] думала (1)
как (мне) представляется (2)	как сказал мне Гейгер (1)

<p> помнится (2) (как я) понимаю (2) правду сказать (2) надо полагать (2) (как) я читал (2) я бы сказал (1) с позволения сказать (1) прямо скажем (1) как я и ожидал (1) чувствовал (1) на мой вкус (1) как мне теперь кажется (1) возражаю в духе Гейгера (1) если говорить серьезно (1) я сказал бы (1) я считаю (1) соглашаюсь (1) замечу (1) вспоминаю (1) по моей просьбе (1) говорим (1) спрашиваю (1) по моему глубокому убеждению (1) добавлю от себя (1) можно сказать (1) проще говоря (1) подозреваю (1) подчеркиваю (1) иначе говоря (1) предположим (1) предположу (1) нельзя сказать (1) откровенно говоря (1) </p>	<p> как думалось Гейгеру (1) предполагается (1) по его [вице-президента] разумению (1) по словам следователя (1) с точки зрения Муромцева (1) по просьбе отца (1) по определению светлой памяти Маркса (1) дескать (1) как принято говорить (1) </p>
---	--

На материале художественной литературы категория авторизации изучалась В.В. Филатовой [Филатова, 2000, с. 9]. Исследователь выделяет четыре семантические группы авторизованных предложений (АП): 1) со значением восприятия (зрительного и

слухового прежде всего), 2) со значением ментальной деятельности, 3) со значением речи, 4) со значением оценки.

В речи Иннокентия проявляются авторизованные предложения всех четырех семантических групп, при этом предложения первых трех групп маркируются характерными для них показателями (например, присущими авторизованным предложениям со значением ментальной деятельности будут слова и выражения с семой говорения: *как я понимаю, надо думать, думалось* и т.д.). Значение оценки в авторизованных предложениях, как правило, является дополнительным, а потому накладывается на основную семантику. В этом и других случаях синкретизма выражаемого значения проявляется сочетание моделей разных семантических групп:

Гейгер — умный и тонкий человек, верящий в общественные идеалы, которые отражены у него в разного рода высказываниях, нередко — в довольно пафосных воззваниях. Как я заметил, их Гейгер много знает (с. 235) — АП с семантикой восприятия + ментальной деятельности;

Судя по всему, пожарным я все-таки не стал, но сейчас, спустя время, я об этом не жалею» (с. 33) — АП с семантикой речи + ментальной деятельности + восприятия;

От него пахло кофе, так что понятно было, от чего его оторвали. И папирсой пахло. Спешно, надо думать, растапывал ее в пепельнице, когда ему снизу позвонили (с. 179) — АП с семантикой ментальной деятельности + речи + оценки.

Преобладающими в речи Платонова являются авторизованные предложения с семантикой говорения, которые маркируются разнообразными вводными словами и выражениями: *добавлю от себя, как принято говорить, как сказал бы Гейгер, прямо скажем, если говорить серьезно, что называется* и др.

Проведенный В.В. Филатовой на материале произведений С. Довлатова анализ «выявил “нежесткость” семантической классификации АП, диффузность границ внутри нее» вследствие условности границ между описанными сферами человеческой деятельности: «восприятие предполагает интерпретацию, мыслительная деятельность — ее речевое оформление и т.д.», а также ввиду особой интерпретационной манеры повествования Сергея Довлатова [Там же]. Это наблюдение справедливо и для романа Е. Водолазкина «Авиатор».

Контексты, содержащие исключительно авторизационные вводные компоненты в речи Иннокентия Платонова, можно разделить на три группы: 1 — указывающие на мнение другого человека / других людей, 2 — отражающие мнение говорящего (в данном случае как субъект речи всегда подразумевается сам Платонов, даже если он передает чьи-

то слова) и 3 — актуализирующие совокупную реализацию авторского и цитируемого в высказывании. Количество примеров представлено в таблице.

Чужое / цитируемое	Свое / авторское	Совокупная реализация значений
3	2	4

В отличие от других героев, в речи которых наблюдается значительное преобладание авторизованных контекстов, реализующих совокупное употребление маркеров «своей» и «чужой» информации, у Платонова высказывания с семантикой авторизации примерно равномерно распределены по представленным группам.

Категория персуазивности в речевых партиях Иннокентия реализуется в 46 контекстах, 30 из которых содержится в первой части и 16 во второй. Среди них 7 примеров актуализируют семантику уверенности, 27 — неуверенности. Также в речи Платонова выявлено 12 контекстов, отражающих синкретичное выражение семантики уверенности и неуверенности (употребление в одном отрывке модальных вводных слов с противоположным значением является показательным для идиостиля Е. Водолазкина).

Персуазивность, актуализируемая в речи Платонова, с исследовательской точки зрения, представляет больший интерес по сравнению с авторизацией, поскольку последняя реализуется в своем ядерном значении — указание на источник передаваемой говорящим информации, тогда как проявление персуазивности широко представлено и с точки зрения периферии (переносного значения).

В этом отношении мы солидарны с Л.В. Щербой, утверждавшим, что «в языке ... ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста, т.к. здесь... мы присутствуем при эволюции языка» [Щерба, 1958, с. 35].

В частности, уверенность в достоверности излагаемой информации нередко передается при помощи дискурсивных слов, изначально не имеющих персуазивную семантику:

– *Каким вам запомнился день октябрьского переворота?*

– ***Знаете**, он мне даже не запомнился. Уже потом, поняв, что это за день такой, я его в памяти восстановил. Шел, если ничего не путаю, дождь со снегом. Точнее, сначала был дождь, который перешел в мокрый снег. Я вышел куда-то, забыв дома шарф, и снежинки таяли у меня на шее, я чувствовал их таяние горячей кожей. Ветер был, ранняя темень, **вы же знаете**, что для Петербурга – это самое скверное время...* (с. 141);

– *В чем вы видите разницу между тем временем и этим?*

<...> – *Понимаете*, тогда даже звуки были другие — обычные уличные звуки (с. 161).

В приведенных примерах выделенные вводные компоненты сохраняют интенцию говорящего привлечь внимание собеседника, акцентировать внимание на важном, что коррелирует с одной из сторон персуазивности — стремлением убедить. В то же время просматривается дополнительный смысловой план, значимый именно для Платонова, — сосредоточенность на деталях: звуках, мокром дожде, переходящем в снег, забывании шарфа... Герой уверен в том, что только это и важно, поэтому он маркирует высказывания таким образом.

Также стоит отметить случаи, когда персуазивная семантика размывается и вводный показатель приобретает функцию союза или частицы:

*Сегодня был необычный день – я впервые оказался в городе. <...> Мы постояли перед Эрмитажем, Медным всадником и Исаакиевским собором. Никаких существенных перемен в сравнении с моим временем я не обнаружил. Ну, **может быть**, асфальт вместо брусчатки* (с. 97–98);

*Получалось, что сейчас либо девяносто восьмой, либо девяносто девятый годы – если, **конечно**, не используются просроченные лекарства* (с. 56).

Вводные компоненты, с помощью которых в речи Платонова актуализируется категория персуазивности, представлены в следующей таблице:

Маркеры уверенности	Маркеры неуверенности
конечно (же) (62)	(а) может быть (57)
понятно (ведь) (7)	(а) может (54)
(было) очевидно (5)	(мне) кажется (30)
(как) известно (4)	(я) думаю (25)
несомненно (3)	видимо (19)
разумеется (3)	наверное (19)
(вы же) знаете (2)	возможно (16)
безусловно (2)	скорее (всего) (15)
понимаете (2)	что ли (12)
естественно (2)	по-моему (11)
хоть убей (1)	(по)думалось (мне) (11)
в самом деле (1)	вероятно (10)
я уверен (1)	как (мне) (по)казалось (8)
точно (1)	пожалуй (6)
тем более (1)	должно быть (5)
по моему глубокому убеждению (1)	похоже (5)
вне всяких сомнений (1)	надо / нужно думать (4)
	судя по всему (3)
	видно (3)
	боюсь (3)
	быть может (2)

	надо полагать (2) следует полагать (2) если ничего не путаю (2) помнится (2) как (мне) представляется (2) по-видимому (1) поди (1) по всей видимости (1) непонятно (1) может стать (1) подозреваю (1) как мне теперь кажется (1) предположим (1) предположу (1) верно (1)
--	---

Последний дискурсив второго столбца (*верно*) скорее ассоциируется с семантикой уверенности в силу своего значения утверждения чего-либо, однако в вопросительных предложениях слово меняет свою семантическую окраску на противоположную:

Был сегодня у Насти. <...> Еда, прямо скажем, не из “Метрополя”. Вот я думаю: здешние повара ведь не добиваются специально, чтобы обед был таким невкусным, верно? Просто не кладут в него чего-то предусмотренного, проще говоря – воруют (с. 328).

Все контексты с семантикой персуазивности можно разделить на две семантические группы: 1) высказывания со значением перцептивного восприятия, 2) высказывания со значением логического осмысления.

Контексты первой группы не представлены в речи Платонова, поскольку, даже если маркирование высказывания происходит на уровне чувственного восприятия, оно всегда подразумевает аспект ментальной деятельности:

На этом кладбище есть могилы и других известных мне людей, – сказал я Гейгеру. Он кивнул, но ничего не ответил – видно, ожидал дальнейших моих вопросов (с. 147) = «я вижу, что Гейгер не ответил, и делаю вывод исходя из его реакции».

Как известно, обязательным является эксплицитное выражение в предложении только неуверенности. Семантика уверенности — отсутствие сомнений в достоверности, — как привило, не получает специального выражения с помощью каких-либо показателей (то есть выражается имплицитно). В связи с этим можно говорить о том, что ядерными случаями актуализации категории персуазивности будет выражение неуверенности говорящего в достоверности излагаемой информации. В свою очередь, маркирование уверенности — проявление периферийного (переносного) значения персуазивности, сопровождаемое наращиванием оттенков смысла (смягчение категоричности

высказывания, стремление убедить адресата в том, что событие происходило так, а не иначе, что не могло быть иного развития ситуации и т.д.). Иными словами, показатели уверенности всегда имеют адресную природу.

Далее остановимся на отрывках, в которых реализуется совокупное выражение авторизационной и персуазивной семантики. Часто исследуемые нами значения передаются в комплексе одним языковым средством, в этих случаях вводные компоненты служат средством выражения обеих категорий, одновременно указывая на источник высказывания («своя» информация) и предположительность:

Поездов было мало, поэтому собирались все в одно и то же время – если ничего не путаю, в половине восьмого (с. 50);

*На днях Гейгер признался, что до сих пор не понял, какой именно раствор вводили мне в сосуды. В них обнаружился обычный физраствор, не обеспечивающий сохранность клеток при замораживании. Несомненно, была еще какая-то химическая добавка, которая за годы моего ледяного сна попросту улетучилась. Если бы не это, я бы, **нужно думать**, так легко не разморозился (с. 116).*

Анализ материала выявил, что ситуации, представляющие совокупную актуализацию квалификативных категорий модуса разными показателями в речи Иннокентия, можно разделить на несколько групп, каждая из которых служит для выражения определенной интенции автора речи. К примеру, преобладающая в речевых партиях Платонова семантическая группа, в которой сочетаются показатели «своей» информации и неуверенность в ее достоверности демонстрирует дискомфортное самоощущение героя в ситуации неопределенного положения.

2. Отражение психоэмоционального и ментального «я» героев романа

Сделанные на первом уровне анализа наблюдения о личностном аспекте образа Иннокентия Платонова можно представить в виде следующих тезисов:

- Безусловно, Иннокентий Платонов изображен мыслящим, рефлексирующим героем, размышления которого смело можно назвать онтологическими.
- Как отмечалось ранее, в речи Иннокентия преобладают квалификативные предложения с семантикой речи. Это в очередной раз подчеркивает важность слова как такового в жизни Платонова. Озвученное слово имеет созидательную функцию. «Слово здесь — актант, заполняющий семантическое поле произведения и моделирующий ситуации, персонажную психику» [Хлебус, 2019, с. 168].

По замечанию Н.А. Купиной, «ядро личного лексикона Платонова — аксиологически маркированное слово *авиатор*, передающее возвышенную мечту о свободном полете: *Ну, конечно, была и мечта о небе <...> Все мы здесь как бы*

придавлены, вот оно что. А в небе — там все по-другому (с. 154–155)» [Купина, 2017, с. 199].

- Наряду с этим использование квалификативных модусных категорий в романе позволяет автору передать состояние неопределенности (даже беспомощности) главного героя: прошлое утрачено, настоящее еще не обретено, возможно ли в этих условиях будущее — неизвестно. Найти себя в настоящем пространстве и времени помогают возлюбленная, Настя, и Гейгер, который по мере развития сюжета проявляет не только и не столько врачебный интерес к Платонову, сколько человеческий.

О значимой роли Гейгера в жизни Иннокентия свидетельствует актуализация категории авторизации: в речевых контекстах Платонова очень часто маркируются предложения характерными показателями (*возражаю в духе Гейгера, по словам Гейгера, как объяснил мне Гейгер, как сказал бы Гейгер, как заметил сам же Гейгер, по его [Гейгера] мнению, по его [Гейгера] словам, [Гейгер] говорит, если верить Гейгеру, как сказал мне Гейгер*). Многие существенные вопросы о новом для Иннокентия времени обсуждаются именно с Гейгером, поэтому можно предположить, что доктор является проводником Платонова в новый мир (это актуально и в том отношении, что Гейгер разморозил Платонова, то есть дал второе рождение).

- Гейгер отмечает «несовременный акцент» в манере письма Платонова: *Ему, между прочим, кажется, что пишу я не совсем обычно. Что он имеет в виду, толком не поясняет. Так, легкий, говорит, несовременный акцент, но если не знать моей истории, то вроде как и незаметно* (с. 78). Для акцентирования внимания на том, что Иннокентий — человек другой эпохи, Е. Водолазкин использует, в частности, персуазив *быть может*, который стилистически отличается от семантически тождественного *может быть*:

*После обеда Гейгер ушел. Я видел его в коридоре, когда входила Валентина, — в пальто, с шапкою в руках. <...> И вот она уже рядом, ее ладонь в моей ладони. Прядь ее волос щекочет мое ухо. Мне было бы тяжело от мысли, что нас могут застать за этим. За чем-то другим, предосудительным, **быть может**, даже неприличным, — не страшно, поскольку неприличное — первое, чего можно было бы ожидать, а вот за этим... Тут ведь так тонко всё, так трепетно и необъяснимо, и не покидает чувство, что это уже когда-то было* (с. 29);

*Гейгер признался мне, что понятия не имеет, как в моем случае возвращается память. Повторяя течение событий в самой жизни? Или, что **скорее всего**, без всякого порядка, вперемишку? А **быть может** — основываясь на том, радостны были пережитые события или печальны?* (с. 60).

Примечательно, что оба контекста употребления **быть может** находятся в первой части романа (ближе к началу). По мере привыкания героя к новой, изменившейся действительности меняется и его манера речи, и словарный запас: *На телевидении меня сначала гримировали – пудрили лицо, распыляли на волосы лак из железной банки. В мое время это называли пудверизатором, а сейчас – спреем. Спрей, конечно, короче* (с. 139).

• Кроме того, квалификативные вводные показатели со значением авторизации позволяют Е. Водолазкину передать специфику проявления Платонова как «жизнеописателя». В этом отношении показателен следующий пример: *Для какого-то популярного журнала мне заказали статью о 19-м годе в Петербурге. Мне это сейчас кстати. С рисованием что-то не идет — **может быть**, с писанием получится? Да и платят неплохо, я даже не ожидал, что столько. Тут же предупреждаю редакцию, что писать буду не о событиях и даже не о людях — об этом и без меня знают. Интересует меня самая мелкая повседневность, то, что современникам кажется само собой разумеющимся и не достойным внимания. Это сопровождает все события, а потом исчезает, никем не описанное – как будто всё происходило в вакууме. Они кивают мне — пишете, **мол**, о чем речь, но я уже не могу остановиться. Так, **говорю**, в горной породе остаются ракушки — миллиарды ракушек, живших на океанском дне. Мы понимаем, как они выглядели, но не представляем их естественной, вне горной породы, жизни — в воде, среди зыбких водорослей, подсвеченных доисторическим солнцем. Нет в исторических сочинениях этой воды. Да вы, **смеются в редакции**, поэт. Нет, **возражаю в духе Гейгера**, я — жизнеописатель* (с. 196).

3. Использование квалификативных модусных категорий для воплощения идейно-философских замыслов автора

Затрагиваемые в начале настоящей главы аспекты поэтики, в создании которой играют роль в том числе квалификативные модусные категории, основываются на идейно-тематических понятиях *времени* (прошлого и настоящего, утраченного и (не)обретенного, исчисляемого и вечного — безвременье), *истории* (общественной, или всеобщей, и частной), *справедливости* (отсюда: тема преступления, наказания и возмездия, вины и ответственности), *памяти* (в аспекте ее восстановления и особенностей человеческих воспоминаний), *бытия-в-слове*.

Рассмотрим подробнее, как квалификативные модусные категории служат для создания поэтики романа «Авиатор».

Вводные компоненты с квалификативным значением в речи Иннокентия зачастую используются автором, чтобы обозначить смену временного плана: с прошлого

(воспоминаний) на настоящее (рефлексию о происходившем и происходящем). Иначе говоря, квалификативные показатели в «Авиаторе» случат своеобразным «переключателем» времени. Поскольку дневниковая форма повествования допускает хаотичность, квалификативные вводные слова и выражения определенным образом упорядочивают ход мыслей героя.

В этой же функции квалификативные модусные дискурсивы проявляются в отношении категории памяти. При помощи вводных слов с авторизационной и персуазивной семантикой Е. Водолазкин включает в канву повествования воспоминания и возвращает героя в настоящий момент:

*Подумалось вдруг, что лучше бы уж Маркс, **наверное**, рисовал – он и многочисленные его последователи. Срисовывали бы Давида Микеланджело, затирали сухим хлебом лишний графит, ездили в Плес на этюды. Меньше, **думаю**, было бы на свете горя. Человек рисующий – он как-то выше, мягче нерисующего. Ценит мир во всех его проявлениях. Бережет его* (с. 204)

Исследуемые показатели авторизации, указывающие на цитирование, в речевых партиях Платонова также связаны с категорией времени в том отношении, что они маркируют этапы и события личной истории героя до эксперимента по крионике и после размораживания: ***докладывает староста класса, продолжает староста, соглашается учитель, говорит староста, по просьбе отца*** (детство), ***по определению светлой памяти Маркса*** (юношество: обучение в художественной академии), ***по версии обвинителей, по словам следователя, с точки зрения Муромцева, по лагерным меркам*** (отбывание тюремного срока на Соловках); ***смеются в редакции*** (написание статьи в журнал о Петербурге 1919-го года), ***по его [вице-президента] разумению*** (пресс-конференция в Академии наук).

В отношении истории Иннокентий последовательно не обращает внимание на общую повестку, на общественные условия в тот или иной момент времени — в поле зрения героя находится все то, что внеисторично: *Был сегодня в архиве. Меня там чуть не с хлебом-солью встречали. Чувствуют, **видно**, со мной родство: я ведь и сам явление почти архивное. Поинтересовались, какой исторический период меня интересует. А меня не исторический период интересует – люди. Плюс еще звуки там, запахи, манера выражаться, жестикулировать, двигаться. Кое-что из этого я помню, а что-то ведь забыл уже. Точно забыл. Когда я это сказал, покашливали, улыбались. Думали, **возможно**, что я еще не до конца разморозился* (с. 306–307).

Что касается понятия «справедливость», то и оно при использовании Е. Водолазкиным вводных компонентов с квалификативным модусным значением

раскрывается в речи Платонова нетривиальным образом: *Но зачем стучал Зарецкий – из принципиальных соображений? Так ведь не было у него принципов (и соображений, подозреваю, тоже). Деньги? Да никто их ему не давал. Он ведь и сам мне по пьяни сказал, что не знает, отчего стучал. А я знаю: от переизбытка дерьма в организме. Оно, это дерьмо, росло в нем и ждало общественных условий, чтобы выплеснуться. Вот и дождалось. А с другой стороны – может, он тогда и не виноват, что на отца Анастасии настучал? Может быть, общественные условия виноваты? Гейгер-то, я думаю, так и считает. Но ведь не общественные условия на профессора стучали, а Зарецкий. Значит, он совершил преступление, и то, что его тюкнули по голове, оказалось наказанием. Справедливым, подчеркиваю, наказанием злодея, хотя об этом мало кто знал. Сложнее всё выглядит в отношении того, кто его тюкнул. Он – злодей или инструмент справедливости? Или – и то, и другое? Как всё это объяснить Анне?* (с. 342–343).

Рассуждения Иннокентия о справедливости в таком ключе создают проекцию на будущее (тем самым соединяясь с категорией времени): герой пытается понять, как разрешить морально-нравственную дилемму «злодей или инструмент справедливости?» и объяснить это дочери. Дискурсив с авторизационной семантикой *подчеркиваю* подсказывает читателю, как Платонов отвечает для себя на поставленные вопросы, а также выражает модусное значение важности информации.

2.4. Особенности реализации квалификативных вводных компонентов в речи Гейгера

1. Актуализация ядерного и периферийного (переносного) значения авторизации и персуазивности.

Из 57 контекстов словоупотребления квалификативных вводных слов и выражений насчитывается 11 примеров, которые «в чистом виде» можно отнести к авторизационным, при этом все они содержатся во второй части романа.

Категория авторизации реализуется в речи Гейгера при помощи вводных показателей, представленных в следующей таблице (в скобках указано количество словоупотреблений).

Маркеры «своего» (речи, мнения, мысли)	Маркеры «чужого»
(я) думаю (4)	мол (4)
по-моему (2)	по ее [Насти] словам (1)
как я понимаю (2)	по его [Иннокентия] словам (1)
скажем (2)	по словам руководительницы хора (1)

спрашивается (2)	как формулирует это Иннокентий (1)
спрашиваю (1)	как сказано в старом анекдоте (1)
прямо скажем (1)	[Иннокентий] спрашивает (1)
по моему совету (1)	[Иннокентий] говорит (1)
считай (1)	дескать (1)
строго говоря (1)	
что называется (1)	
замечу (1)	
скажем так (1)	
подозреваю (1)	
можно сказать (1)	
на мой взгляд (1)	
как мне кажется (1)	

Количество контекстов, указывающих в речи Гейгера на источник информации (авторское / цитируемое / одновременно маркируемое как «свое» и как «чужое»), представлено в таблице.

Чужое / цитируемое	Свое / авторское	Совокупная реализация значений
1	4	6

Как видно, преобладающей по количеству примеров является третья группа, представляющая реализацию совокупного выражения авторского и цитируемого в речи Гейгера. Как правило, контексты этой группы отражают диалоги доктора с другими и его рефлексию над сказанным. Стоит отметить, что воплощение модели «свое + чужое» в предложениях с авторизацией невозможно при использовании только вводных слов и выражений: совокупная семантика передается в результате сочетания вводных компонентов с глаголами говорения либо с глаголами мыслительной деятельности, подразумевающими проговаривание: «Губернатор произнес по бумажке несколько фраз. Ни одной из них я не могу сейчас вспомнить — кроме последней. В ней говорилося, что Иннокентий как никто другой должен понимать разницу между демократией и диктатурой. Иннокентий поблагодарил. *Как я понимаю*, большего не требовалось, но он решил ответить. Почему, собственно, нет?» (с. 257) — «не могу вспомнить» = «не могу сейчас воспроизвести это в дневниковой записи».

Во второй семантической группе особый интерес вызывают следующие отрывки: 1939-й, январь. Железнодорожная станция. *Считай*, полярная станция: сугробы до окон, сосульки до земли. <...> В зале ожидания (уж какой, *прямо скажем*, это зал?) горит слабая лампочка, она-то и наполняет окно своим светом» (с. 381–382); «1981-й.

Ленинград, Купчино. Жара. <...> Когда в Питере жара, в панельный дом лучше не входить. Лучше вообще не жить в нем, **строго говоря**» (с. 390). Несмотря на то что в них употребляются глагольные формы не 1 лица единственного числа, по значению они относятся к авторизационным компонентам, указывающим на субъект речи: они содержат информацию об авторе мнения (Гейгере). Глагол **считай**, стоящий в форме 2 лица повелительного наклонения, выстраивает мостик между Гейгером и читателем его дневниковых записок, вовлекая последнего в конструирование ситуации на железнодорожной станции. То же можно сказать и о сочетании **строго говоря**, ориентированном на диалог с читателем.

Контекст из первой семантической группы не только и не столько демонстрирует отсылку к Пушкину как источнику мнения, сколько отражает рефлексия Гейгера, выявляя резкое противопоставление мнений — «своего» и «чужого»: «*Меня эта всеобщая виновность когда-то у Пушкина задела. Узнай, **мол**, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи*» (с. 342). По замечанию А.Н. Баранова, вводное **мол** — «это дважды рефлексия, <...> второй шаг в понимании различий себя и другого» [Баранов, 1994, с. 115].

Строго говоря, только отрывок, составляющий первую группу, должен являться примером выражения ядерного (прямого) авторизационного значения, поскольку вводное **мол** реализует типичную модель с отсылкой к «чужому» источнику информации. По мнению Т.В. Шмелевой, «план содержания авторизации организуется противопоставлением свое / чужое, или авторское / цитируемое; при этом специальной пометы требует только второй случай — изложение чужой информации, пересказ» [Шмелева, 1984, с. 90]. Однако анализ материала показывает, что семантический и прагматический потенциал авторизации выходит за рамки ее функции, то есть исключительно указания на источник информации.

В речевых партиях Гейгера обнаруживаются авторизованные предложения всех четырех групп классификации В.В. Филатовой. Примерно в равной мере преобладают контексты со значением речи и ментальной деятельности. Также многие высказывания выявляют синкретизм значения, который реализуется в сочетании моделей разных семантических групп:

*Вот ему [Иннокентию], скажем, пришили убийство Зарецкого и уехали на Соловки. В незаслуженном этом наказании, **спрашиваю**, где высшая справедливость?* (с. 353) — АП с семантикой речи + оценки;

*1939-й, январь. Железнодорожная станция. **Считай**, полярная станция: сугробы до окон, сосульки до земли* (с. 381) — АП с семантикой ментальной деятельности + оценки;

*Всё вспоминаю нашу с Иннокентием поездку. Особенно разговор за шампанским, которое он уподобил напитку власти. Какая странная фантазия! Этот напиток, **мол**, превращает чиновника в правителя* (с. 276) — АП с семантикой восприятия + речи + оценки.

Категория персуазивности в речи Гейгера реализуется в 29 контекстах, из которых 6 содержится в первой части и 23 во второй. Среди них 9 примеров являются выражением реализации уверенности, 16 — неуверенности. Кроме того, 4 контекста передают сочетание семантики уверенности и неуверенности в одном высказывании. Проанализируем наиболее интересный с исследовательской точки зрения отрывок:

*Иннокентий изменился. Не видно в нем больше страха перед тем, чего в его время не было. Собственно, и нынешнее время – тоже теперь его. Он в нем неплохо обжился. Держится не то чтобы уверенно – спокойно. И, **кажется**, привыкает к роли знаменитости. <...> Больше всего такая жизнь нравится, **конечно**, ей. Настя на седьмом небе и своих чувств не скрывает* (с. 238–239).

В приведенном примере выражается не только совокупная реализация двух полюсов категории персуазивности, но и способы получения информации — логический (основанный на рассуждениях) и перцептивный (базирующийся на чувственном восприятии). При оценке достоверности непосредственной информации Гейгер не сомневается, поскольку сам видит эмоции Насти, в связи с чем маркирует свою уверенность вводным словом **конечно**. Когда доктор говорит об Иннокентии, он может только догадываться о мыслях и чувствах своего пациента (косвенная информация), хотя и в этом случае предположение «Держится не то чтобы уверенно – спокойно. И, **кажется**, привыкает к роли знаменитости» основывается на приобретенном опыте непосредственного взаимодействия с Платоновым: «Не видно в нем больше страха...».

В следующей таблице представлены персуазивы, с помощью которых в речи Гейгера актуализируется категория персуазивности.

Маркеры уверенности	Маркеры неуверенности
конечно (10)	может быть (13)
разумеется (2)	может (13)
конечно же (1)	наверное (4)
понятное дело (1)	(я) думаю (4)
не так ли (1)	возможно (3)
правда (1)	видимо (3)
знаете (1)	по-моему (2)
представьте себе (1)	кажется (2)

	как я понимаю (2) подозреваю (1) на мой взгляд (1) видно (1) судя по всему (1) пожалуй (1) боюсь (1) как мне кажется (1)
--	---

Последние два дискурсива первого столбца в привычном понимании служат для привлечения внимания собеседника, однако в речевых партиях Гейгера они приобретают выражение уверенности в достоверности передаваемой информации, отсутствие сомнений: *У вас такой случай, что ничего нельзя утверждать наверное. – Он поставил мне градусник. – **Знаете**, вы вспоминайте побольше, здесь важно ваше усилие. Нужно, чтобы вы сами всё вспомнили* (с. 13); *Валентина снова беременна, и я, **представьте себе**, к этому не причастен* (с. 115).

Семантика уверенности в первом примере передается при помощи вводного слова **знаете** и модальных слов **важно** и **нужно**. Немаловажно отметить сочетание вышеупомянутых лексем с выражением «**ничего нельзя утверждать наверное**»: риторическое противопоставление раскрывает стилистический потенциал категории персуазивности, способной усиливать эмоционально-экспрессивную окраску художественного текста. Непрямое выражение персуазивности при помощи оборота **представьте себе** также повышает эмоциональность и экспрессивность высказывания.

Часто семантика неуверенности в речи Гейгера в одном контексте передается не только за счет вводно-модального персуазива, но и при помощи частиц, или соответствующих глагольных форм со значением сомнения, или неопределенных местоимений, как в следующих примерах:

*Интересно, сообщит Настя Иннокентию о том, что происходит с его мозгом? Я ей ничего не запрещал. Я даже сам не знаю, сообщать ли ему это. А если спросит? Ну, если спросит, тогда... Тоже не знаю. Изучил его вроде бы хорошо, но не могу просчитать реакцию. Уж если сообщать, лучше, **наверное**, чтобы это сделала Настя* (с. 311); *Так вот, венчание. Длилось оно минут сорок – это единственное, что я могу сказать с достоверностью. <...> Когда Настя пила, Иннокентий так удивительно на нее смотрел. Не могу подобрать слова. Одухотворенно, **наверное**. Да, одухотворенно. Можно было бы сделать потрясающую фотографию. Резкий фокус на глазах Иннокентия, а Настино лицо чуть размыто. И мерцание бронзовой чаши. **Может**, и появится такое фото. Там*

кто-то снимал, журналисты какие-то. <...> Пишу и думаю: **может**, венчание вытащит его из депрессии? (с. 340).

Показательно, что в приведенных отрывках Гейгер сам обозначает ситуации неопределенности: «не могу просчитать реакцию», «не могу подобрать слова». Таким образом, можно судить о том, что для выражения неуверенности используются комбинации синтаксических и лексических средств.

Все контексты с семантикой персуазивности можно разделить на две семантические группы: 1) высказывания со значением чувственного восприятия (например, *Она [Настя] ходит бледная. Видно, что беременность ее протекает не так легко. Отсюда и нервы* (с. 261)) и 2) высказывания со значением логического осмысления (например, *Иннокентий рассказал мне, что ему звонил “некто Белков” из правительства. Разговаривал с ним довольно долго. Имелся в виду, конечно, Желтков* (с. 234)). В речевых партиях Гейгера преобладают предложения второй группы (первую семантическую группу организуют лишь три контекста).

Далее остановимся на контекстах (их было выявлено 17), реализующих совокупное выражение авторизационной и персуазивной семантики. Как было отмечено ранее, в некоторых высказываниях исследуемые нами значения передаются в комплексе одним языковым средством: *Реабилитация ваша проходит успешно, и, я думаю, уже можно кое-что вам объяснить* (с. 40); *Сейчас не то что реки – люди пол меняют. Но вы пишете как прежде – так, по-моему, красивее* (с. 49).

Анализ материала показывает, что ситуации, представляющие совокупную актуализацию квалификативных модусных категорий разными показателями в речи Гейгера, можно разделить на 7 групп (в скобках указано количество контекстов), каждая из которых служит для выражения определенной интенции доктора:

- 1) «Своя» информация + неуверенность в достоверности (7).
- 2) «Чужая» информация + неуверенность в достоверности (3).
- 3) «Чужая» информация + уверенность в достоверности (1).
- 4) «Своя» информация + неуверенность + уверенность в достоверности (2).
- 5) «Чужая» информация + неуверенность + уверенность в достоверности (1).
- 6) «Своя» + «чужая» информация + неуверенность в достоверности (2).
- 7) «Своя» + «чужая» информация + неуверенность + уверенность в достоверности (1).

Наиболее многочисленной является первая группа, отражающая передачу говорящим информации от своего лица и сомнения в ее истинности. Это объясняется спецификой жанра дневниковых записей — своего рода регистрации потока сознания,

рассуждения, обнажения сомнений и страхов: *Линейное время — историческое, а циклическое замкнуто на себе. Вовсе и не время даже. Можно сказать, вечность. Получается, что история, излагаемая нашей тройкой, никуда не стремится. Самая надежная история. Может быть, даже и не история* (с. 229); *У самолета из Мюнхена заклинило шасси. Это только что объявили в аэропорту. <...> У меня с собой ежедневник — просто буду описывать то, что вижу. Иннокентий, думаю, поступил бы именно так. <...> В зале появляются психологи. Сразу же определяют тех, кому нужна помощь, — собственно, тут и психологом быть не нужно. <...> Бытие раздвоилось. Люди с букетами здесь и точно такие же на экране. Вижу себя. На экране рядом со мной психолог обнимает подопечную, поглаживает ее по спине. Странно, я их не видел. Оборачиваюсь: так и есть, стоят. Подопечная рассеянно плачет у психолога на плече. Еще не понятно, нужно ли плакать: может, всё еще обойдется* (с. 402–403).

Вторая по численности группа представляет собой неуверенность в достоверности информации, передаваемой от другого лица: *Всё вспоминаю нашу с Иннокентием поездку. Особенно разговор за шампанским, которое он уподобил напитку власти. Какая странная фантазия! Этот напиток, мол, превращает чиновника в правителя. Не знаю, что пьет нынешний президент (боюсь, другие напитки), только из него не получилось ни того, ни другого...* (с. 276). Маркирование неуверенности снимает с говорящего ответственность за излагаемое с чужих слов мнение.

Особый интерес с исследовательской точки зрения представляют 6 и 7 группы, отражающие смену речевых субъектов в совокупности с выражением уверенности и/или неуверенности в достоверности передаваемой информации. Рассмотрим контексты, составляющие 6 группу:

Я заметил, что за анархией обычно приходит авторитарное правление. Что, в сущности, очень грустно. А Иннокентий — сиделец Иннокентий! — сказал, что авторитаризм, возможно, меньшее зло, чем анархия. Сравнил население страны с глубоководными рыбами. Они, дескать, только и могут жить что под давлением» (с. 328); *«Наше совместное писание — это, если угодно, попытка передать опыт потомкам. То, чем человечество всю историю только и занималось. Просто опыт наш, скажем так, особенный. Меня это вначале раздражало, а сейчас — ничего. Иннокентий, впрочем, передает не только опыт. Настя рассказала, что он самостоятельно связался с рекламной фирмой и предложил свои услуги. <...> На что, спрашивает, вы собираетесь жить, когда меня не будет? <...> Думаю, у него просто сил не было выбирать выражения* (с. 378).

Оба отрывка представляют собой рефлексия Гейгера. В первом примере авторизационными показателями выступают глаголы с семантикой говорения и вводное слово *дескать*, являющееся маркером цитации, на который говорящий накладывает дополнительные смыслы. В данном случае *дескать* отражает нежелание Гейгера брать ответственность за точку зрения Иннокентия, поскольку со своим пациентом он в вопросах истории не согласен. Дискурсивное слово *дескать* в целом зачастую функционирует как показатель нежелания отвечать за слова другого (подробнее об этом см. в работе А.Н. Баранова [Баранов, 1994]).

Во втором контексте представлены сразу три субъекта речи — Гейгер, Настя и Иннокентий. Рассуждая о необходимости и ценности одновременного ведения дневника всеми участниками событий и подбирая слова для описания этого (*скажем так*), Гейгер передает высказывания Насти и Платонова. При этом с помощью ментального глагола *думаю* доктор оправдывает жесткость выражения мысли своего пациента.

Отрывок из 7 семантической группы передает наиболее полную реализацию сочетания смыслов авторизации и персуазивности:

*Потом был замечательно вкусный ужин. Между прочим, при свечах. Настя укрепила их на двух принесенных из дому подсвечниках. Объяснила, что бабушкины, и спросила, узнает ли их Иннокентий. Тот сделал неопределенный жест. А Насте, по-моему, очень хотелось, чтобы он подсвечники узнал. Мог бы, **конечно**, и узнать. Хотя бы в благодарность за ужин (с. 230–231).*

Характерно, что предложение с показателем уверенности **конечно** следует сразу за суждением с маркером неуверенности (предположения) *по-моему*, при том **конечно** здесь — явный показатель недовольства, даже осуждения (= «я видел Настино желание порадовать Иннокентия найденными подсвечниками, но он сделал вид, что не узнал их, чем расстроил возлюбленную»). Последние два предложения в высказывании Гейгера точно так же могли быть произнесены и Настей.

2. Отражение психоэмоционального и ментального «я» героев романа

Анализ, проведенный на первом уровне, позволяет сделать выводы о личностном наполнении персонажа, о ментальной и психоэмоциональной составляющей героя. Тезисно полученные наблюдения можно представить в следующем виде:

- В целом Гейгера можно охарактеризовать как героя рефлексиирующего типа: чаще всего предметом его рассуждений и оценок становится жизнь и здоровье его пациента Иннокентия.
- Как видно из размышлений героя, он обладает дедуктивным способом мышления, поскольку в большинстве случаев ведет мысль от частных посылок к общему:

*А еще Настя практична. Не прижимиста, не sparsam – практична. Раз уж вспомнились немцы, то качество это, **конечно же**, немецкое. Оно у нее выражается в каких-то деталях, фразах. <...> В ее практицизме нет ничего плохого. Просто для ее возраста и склада это немного неожиданно. Как это уживается с ее эмоциональностью? А **может**, это стиль эпохи? Поколение юристов и экономистов. Только где же, **спрашивается**, мечта?» (с. 226); «Я телевизора не смотрю, только за ужином включаю на короткое время. На вечерних новостях. А тут вдруг после новостей — Иннокентий в бочке. И жидкий азот, и овощи. И этот странный текст...Хотел было с Настей серьезно поговорить. Потом подумал — **а может быть**, в чем-то она права? Деньги-то действительно нужны. Деньги (с. 250).*

В первом примере Гейгер переходит от осмысления практичности как черты характера Насти к заключению, что это качество в целом присуще современному поколению, во втором — от конкретной ситуации участия Платонова в рекламе к мыслям о необходимости денег в принципе. Исследуемые нами вводные слова и выражения функционируют как соединяющие компоненты этих частей мыслительного процесса.

• Е. Водолазкину удалось передать в образе Гейгера «немецкие» черты (прежде всего, рациональность), которые можно обнаружить и в исследуемом материале. Однако когда речь заходит об ухудшении состояния Платонова, в записях доктора обнаруживается общая интенция беспомощности, которая выражается при помощи квалификативных вводных слов и риторических вопросов:

*Катастрофа. <...> Количество погибших клеток не поддается описанию. <...> **Конечно**, в общем виде понятно, что заморозка, но – механизм? Каков конкретный механизм происходящего? Без внятного понимания этого невозможно никакое вмешательство (с. 306); Мне удалось устроить обследование Иннокентия в Мюнхене. Точнее, не мне – моим бывшим пациентам. <...> Нужна ли такая поездка? У меня нет внутренней уверенности в этом до сих пор. <...> Я производил регенерацию Иннокентия – шаг за шагом. Знает ли кто-то положение вещей лучше меня? С другой стороны – **может**, сейчас это знание мне мешает? **Может**, именно в сложившейся ситуации нужен свежий взгляд? **Возможно**, наконец, то, что называется “эмоциональной привязанностью к пациенту”, мешает мне принять сейчас правильное решение? (с. 387–388).*

• Отдельно отметим проявление категории важности, выражение которой в речи Гейгера сопровождается употреблением показателей авторизации и/или персуазивности.

а) «Важность» при выражении уверенности

Когда интенцией Гейгера является убеждение собеседника, воздействие на него, доктор сопровождает высказывание лексемой «важно», тем самым придавая весомости сказанному: *У вас такой случай, что ничего нельзя утверждать наверное. – Он поставил мне градусник. – **Знаете**, вы вспоминайте побольше, здесь важно ваше усилие. Нужно, чтобы вы сами всё вспомнили* (с. 13).

б) «Важность» при выражении неуверенности

Также понятие значимости проявляется и в высказываниях со значением предположения, сомнения, догадки: *Важно только не ездить пока в больницу – это опасно как для вас, так и для Анастасии. Для нее, **пожалуй**, даже опаснее* (с. 183); *Интересно, как Иннокентий воспринимает Настю? Она в его жизни возникла помимо меня. Очень, **на мой взгляд**, удачно. Его известность, **как мне кажется**, предмет Настиного особого внимания. Она в ней просто купается. Это извинительно: Настя, в сущности, совсем еще маленькая. Она неглупа. Для такого человека, как Иннокентий, это важно* (с. 224); *Он [Иннокентий], **как я понимаю**, пишет какое-то важное и большое полотно. При этом набирает помощников для прорисовки фона. Они же будут рисовать второстепенные фигуры по его контурам...* (с. 347); *Таблеток я ему выписываю гору. Толку от них, **правда**, чуть. Не способны остановить главного – убьют клеток. <...> Тошно, что Иннокентий угасает. **Может**, послать его за границу? Например, в Мюнхен. Не думаю, что там знают что-то, чего не знают у нас, но все-таки... Другой взгляд – это тоже важно* (стр. 374).

Поскольку лексема «важно(е)» во всех примерах следует за вводными словами, можно сделать вывод, что она нивелирует неуверенность, повышая степень достоверности высказывания.

• Наконец, использование авторизационных и персуазивных показателей в речи Гейгера частотно при выражении солидарности с другими персонажами:

*Потом был замечательно вкусный ужин. Между прочим, при свечах. Настя укрепила их на двух принесенных из дому подсвечниках. Объяснила, что бабушкины, и спросила, узнает ли их Иннокентий. Тот сделал неопределенный жест. А Насте, **помоему**, очень хотелось, чтобы он подсвечники узнал. Мог бы, **конечно**, и узнать. Хотя бы в благодарность за ужин»* (с. 230–231); *Сегодня Иннокентий подписал контракт на рекламу замороженных продуктов. Это результат того, что звонившие попали на Настю. Иннокентий мне рассказывал когда-то, что они ему звонили. Он повесил трубку. Я бы тоже, **наверное**, повесил* (с. 241); *Я телевизора не смотрю, только за ужином включаю на короткое время. На вечерних новостях. А тут вдруг после новостей – Иннокентий в бочке. И жидкий азот, и овощи. И этот странный текст... Хотел было с*

*Настей серьезно поговорить. Потом подумал – а **может быть**, в чем-то она права? Деньги-то действительно нужны. Деньги (с. 250); Интересно, сообщит Настя Иннокентию о том, что происходит с его мозгом? Я ей ничего не запрещал. Я даже сам не знаю, сообщать ли ему это. А если спросит? Ну, если спросит, тогда... Тоже не знаю. Изучил его вроде бы хорошо, но не могу просчитать реакцию. Уж если сообщать, лучше, **наверное**, чтобы это сделала Настя» (с. 311); Когда заехал вечером к Платоновым, увидел рисунок Иннокентия. Портрет Зарецкого. <...> Сидящий оплакивает нечто (**может быть**, свою жизнь), и водка с колбасой – тому единственные свидетели. <...> Пока он молчит, облик его возвышен – таков, **возможно**, каким задумывался. <...> Фокус его взгляда где-то за пределами этой комнаты, **может быть** – за пределами видимого мира вообще (с. 384–385).*

Во всех приведенных контекстах Гейгер ставит себя на место того героя, о котором говорит, и пытается рассуждать с позиции другого. В последнем отрывке Гейгер занимает одновременно две позиции: наблюдателя (на чем акцентируют внимание персуазивы) и самого Зарецкого.

3. Использование квалификативных модусных категорий для воплощения идейно-философских замыслов автора

Как было отмечено ранее, идейно-тематический комплекс романа «Авиатор» строится на таких понятиях, как время, история, справедливость, бытие-в-слове. Каждое из названных понятий отражается (часто в совокупности с другими) в речевых партиях Гейгера и при реализации квалификативных модусных категорий.

Например, время и «конвертирование бытия в слово» [Кучина, Ахапкина, 2016] получают совместное воплощение, когда по просьбе Платонова Гейгер описывает универсальные ситуации начала XX века:

*Июль 1913 года. Не жаркие вечерние лучи пересекают парикмахерскую. В лучах кружится пыль. <...> Парикмахеры разговаривают друг с другом. У них долгая – на целый, **может быть**, день – беседа о ценах на провизию. Они не могут принимать в нее клиентов – исключая лишь высказывания по отдельным продуктам (с. 352); 1910-й. Начало марта. <...> Ночью всё затягивается, замерзает, так что наутро каплям нужно проделывать свою работу почти сначала. С чистого почти листа – каковым снег в марте уже, **конечно**, не является. <...> Этот снег покрыт налетом печной сажки, которая неизменно проступает даже сквозь свежий снег. **А может быть**, это свежая сажка. Всякий раз она намеренно прилетает за свежесвыпавшим снегом и покрывает его – из чистого отвращения к белизне (с. 369).*

В приведенных контекстах дискурсивные показатели функционируют не как отражение уверенности или неуверенности Гейгера (хотя акцентированная некатегоричность высказывания также имеет место) — они не только выстраивают связь эпох внутри XX столетия, но и аккумулируют время с глобальной точки зрения «всегда»: беседа в парикмахерское всегда *может* затянуться на целый день, снег в марте не всегда является, *конечно*, кристально чистым.

Однако когда Гейгер описывает временны'е ситуации, в которых он уже жил, степень категоричности в высказываниях повышается: *1981-й. Ленинград, Купчино. Жара. <...> Когда в Питере жара, в панельный дом лучше не входить. Лучше вообще не жить в нем, строго говоря* (с. 390).

Также в совокупности стоит рассматривать реализацию понятий «история» и «справедливость». Гейгер, по словам Иннокентия, является «общественным человеком» (с. 78), мыслящим исторически и рассматривающим любые события прошлого с точки зрения социальных предпосылок. В связи с этим Гейгер искренне недоумевает, почему Платонов холодно отнесся к известию о своей реабилитации: *Иннокентия эта бумага [о реабилитации] не тронула. Мне даже показалось, что в его взгляде мелькнуло неудовольствие. Неужели он настолько презирает государство, что не нуждается в реабилитации? Нет, не замечал я в нем такого. Может, ему кажется, что за все его страдания такая бумажка – это слишком дешево?* (с. 278).

Гейгер не обладает всей информацией о жизненных перипетиях Иннокентия, поэтому, рассуждая о справедливости, он может как сочувствовать Платонову, так и иронизировать: *Вот ему [Иннокентию], скажем, пришили убийство Зарецкого и уехали на Соловки. В незаслуженном этом наказании, спрашиваю, где высшая справедливость?* (с. 353); *Иннокентий развернул газету. В ней лежала статуэтка Фемиды. Вот тебе и раз. Зачем, спрашивается, она ему на кладбище? Какую справедливость он здесь восстанавливал? Мне стало смешно, но я сдержался. Зачем, зачем... Носил, видимо, матери — к Анастасии-то он не ходил. Что-то у них с Фемидой, видимо, связано. Было бы из-за чего краснеть...* (стр. 298).

Наконец, в отношении раскрытия понятия «память» стоит сказать, что доктор рассматривает его исключительно с медицинской позиции. Доктору чужд опыт, переживаемый Платоновым, поэтому в данном аспекте проявляется только его профессиональная сторона:

Поездку нужно отложить. Анастасия Сергеевна пока не готова. <...> Сказала, что не готова, – бормочет Гейгер. – Знаете, ее можно понять. Женищина... <...> Память к ней действительно приходит лишь временами... – Гейгер опять переходит на

бормотание. – Но про вас всё она, **по-моему**, осознала. (с. 165); Иннокентий меня всё больше беспокоит. <...> проблемы не только двигательные. **Мне кажется**, у него начали возникать нарушения в оперативной памяти (с. 291).

2.5. Особенности реализации квалификативных вводных компонентов в речи Насти

1. Актуализация ядерного и периферийного (переносного) значения авторизации и персуазивности.

В речевых партиях Насти выявлено 44 контекста словоупотребления вводных слов и выражений с квалификативным значением (1 в первой части романа, 43 — во второй), среди них насчитывается 12 авторизационных примеров.

Семантика авторизации актуализируется в речи Насти при помощи вводных маркеров, указанных в таблице:

Маркеры «своего» (речи, мнения, мысли...)	Маркеры «чужого»
(я) думаю (10) (мне) кажется (4) спрашивается (2) мол (2) вообще говоря (2) можно сказать (2) по-моему (2) так сказать (2) я подумала (2) думалось мне (1) остается думать (1) ничего не скажешь (1) кстати сказать (1) дескать (1) считаю (1) одним словом (1) между прочим (1) я слышала (1) честно говоря (1) скажем (1) скажу прямо (1) повторю (1) откровенно говоря (1) как я понимаю (1) что называется (1) отвечаем (1) надо понимать (1) подозреваю (1) вернее сказать (1) как мне показалось (1) вспомнила (1)	мол (6) [Платоша] говорит (2) по словам Тюрина (2) по мысли заказчиков (1) по его [Гейгера] словам (1) по его [Гейгера] мнению (1) по его [Платоши] словам (1) говорят (1) по расчетам врачей (1) [Платоша] спрашивает (1) по словам Желткова (1) как говорится (1) по преданию (1)

Стоит отметить, что дискурсив **мол** фигурирует в обоих столбцах таблицы, поскольку в некоторых случаях Настя цитирует саму себя: *Платоша становится всё непонятнее. Попросил нас с Гейгером описать – ни больше ни меньше – смерть Зарецкого. Я начала возражать, **мол**, мы этой смерти не видели, как мы можем ее описывать? Платоша в ответ: вы много чего не видели, но ведь как-то всё это описали. Махнул рукой – ладно, не надо, это я так просто предложил* (с. 391–392).

Кроме того, вводное слово **мол** в речи героини способно передавать невербальную самоцитацию: *Платоше звонил Желтков из правительства. <...> А Платонов тоже хорош – разговаривал без особых эмоций, довольно, **можно сказать**, невозмутимо. Без преувеличенной (ах) радости, без даже волнения, сдерживаемого с трудом, – оч. спокойно. Я перед ним рукой помахала – **мол**, реанимируйся немного* (с. 235).

Помимо дискурсива **мол**, нетипично в речи Насти функционирует и вводное **дескать**, также используемое для передачи собственных слов: *Сегодня утром я проснулась раньше гражданина Платонова. Села по-турецки на кровати, рассматривала спящего мужа моего. Не было на лице его безмятежности, было страдание. Губы подрагивали, веки. Отчего, **спрашивается?** После всех ударов судьбы и утрат – такой хеппи-энд. Всё он нашел: всеобщее внимание (да что там – полноценную славу!), деньги, даже потерянную свою Анастасию нашел в моем лице. Очень хотелось разбудить его, но не посмела. Пришлось бы объясняться, что вот, **дескать**, он во сне...* (с. 247–248).

Однако в отличие от контекстов, в которых употребляется **мол**, пример с маркером **дескать** демонстрирует не реальную, а предполагаемую ситуацию, о чем свидетельствует форма условного наклонения глагола в последнем предложении отрывка. На наш взгляд, приведенное различие в использовании сходных по значению дискурсивов **мол** и **дескать** отражает, во-первых, особенности смысловых оттенков данных слов и, во-вторых, их большой стилистический потенциал.

Также отметим, что в трех примерах в речи Насти авторизационная семантика передается при помощи метатекстуальных вводных конструкций, которые также расширяют стилистические возможности категории авторизации:

Странная прогулка — так назвала бы я рассказ о сегодняшнем дне. Гуляли мы по Никольскому кладбищу Александро-Невской лавры. Мы, кстати, не впервые по кладбищу гуляем: у Платонова — как бы это выразиться? — некоторая слабость к таким прогулкам (с. 299);

В прессу просочились сведения о здоровье Платоши. <...> Одна из газет купила снимок МРТ и опубликовала на первой странице. “Мозг Иннокентия Платонова разрушается”. Да тут и покупать ничего не нужно: они же видят, как он ходит. Как

ноги подламываются, как держится за мою руку. Палочку не хочет: это уже, *говорит*, как-то чересчур, признание самого плохого. Признание (не сказала я) очевидного. <...> Публикацию с МРТ Гейгеру показала я. Он покраснел как пожарная машина и бросился кому-то звонить. Три минуты отборного мата. Всё закончилось пожеланием подавиться собственными яйцами. Сложно выполнимо, **конечно**, — не знаю, что отвечали на том конце провода. Я хотя этого от Гейгера не ожидала, но мне — врать не буду — понравилось. **Может быть**, чего-то такого мне в немце и не хватало (с. 376).

Примеры с авторизационными предложениями в зависимости от указания на источник делятся на три группы. Количество контекстов, составляющих каждую группу, представлено в таблице.

Чужое / цитируемое	Свое / авторское	Совокупная реализация значений
1	2	9

В речевых партиях Насти, как и у Гейгера, преобладают предложения, отражающие указание на совокупное выражение авторского и цитируемого. Однако в отличие от рефлексивной составляющей (то есть ориентированной на осмысление происходящего, на выстраивание причинно-следственных связей), которая преобладает в речи доктора, высказывания Насти более эмоциональны, образны и обширны, поскольку в них часто сочетается несколько тем:

На следующей неделе запланирована большая пресс-конференция в новостном агентстве. Сначала я думала, что это инициатива агентства, но они там проговорились, что событие проплачено овощной фирмой. По невероятному (ой!) совпадению – той, что рекламирует Платоша. Как любопытно: торговцы овощами рекламируют не только свою капусту, но и того, кто рекламирует ее. Всё продумано.

Кстати сказать, мой Платонов подписал контракт на серию рекламных роликов. Сразу после подписания повезли его на киностудию для съемки первого ролика. Он вяло отказывался, говорил, что не одет для съемки, то да се, но они сказали, что нужно будет, наоборот, раздеться. Я ему шепнула, что волноваться-то особенно нечего: белье у него свежее. Только это его не успокоило (с. 242).

Помимо этого, в речи Насти гораздо чаще обнаруживаются контексты, передающие чувственное восприятие как источник получения информации, что также отличает героиню от немецкого «коллеги по перу»: Платоша заразил нас описательством. Он всё повторяет: описывайте побольше! Ловлю себя на том, что обдумываю, как лучше описать то или это. Даже Гейгер, **я слышала**, пытается что-то изобразить. А почему,

собственно, и не Гейгер? На каких основаниях я отказываю ему в художественных способностях? Между прочим, “Гейгер” по-немецки – скрипач (с. 298).

С точки зрения классификации В.В. Филатовой в речи Насти также обнаруживаются авторизованные предложения всех семантических групп. Преобладающими среди них являются контексты со значением ментальной деятельности (наиболее распространены маркеры *(я) думаю, (мне) кажется, думалось мне, остается думать, я подумала, считаю, по-моему, как я понимаю, как мне показалось, подозреваю*). Однако в большинстве случаев выявляется сочетание моделей нескольких семантических групп:

Вчера, например, обратился ко мне очередной рекламный агент, представлял какой-то мебельный концерн. Просил Платошу довести до сведения общественности, что повсюду цены на мебель стремительно растут, а у них, мол, уж три года, как заморожены. Телезритель, по мысли заказчиков, тут же взбодрится и начнет покупать их мебель (с. 248) — АП с семантикой речи + ментальной деятельности;

Сегодня удалось договориться о сдаче бабушкиной квартиры. Быстро это получилось, ничего не скажешь (с. 233) — АП с семантикой речи + оценки;

Чай осенью на открытой веранде. <...> Пошли одна за другой чашки. Сидящие пьют чай – можно сказать, упиваются им.

Событие датируется 1914 годом. Или 1911-м, например. Все описания Платоша настоятельно просит датировать. Зачем? — спрашиваю. Затем, говорит, чтобы показать, что фундаментальные события (то же питье чая на веранде) способны определять совершенно разные времена, а значит — универсальны. По его словам, этот аргумент в пользу точных датировок в равной степени пригоден и против них. Получается, я подумала, что и аргумент универсален (с. 364–365) — АП с семантикой речи + ментальной деятельности + оценки.

Персуазивное значение в речевых партиях Насти реализуется при помощи маркеров, представленных в таблице.

Маркеры уверенности	Маркеры неуверенности
<p>конечно (14)</p> <p>конечно же (1)</p> <p>понятно (1)</p> <p>естественно (1)</p> <p>честное слово (1)</p> <p>надо понимать (1)</p> <p>в принципе (1)</p>	<p>(я) думаю (10)</p> <p>может быть (6)</p> <p>может (6)</p> <p>(мне) кажется (4)</p> <p>возможно (2)</p> <p>по-моему (2)</p> <p>правда (1)</p> <p>небось (1)</p> <p>похоже (1)</p> <p>надеюсь (1)</p> <p>наверное (1)</p>

	как я понимаю (1) подозреваю (1) как мне показалось (1) пожалуй (1)
--	--

Персуазивность актуализируется в речи Насти в 7 контекстах, среди которых 1 передает выражение уверенности, 4 — неуверенности, и 2 примера реализуют совокупное сочетание семантики уверенности и неуверенности в одном высказывании.

При маркировании Настей предложений с точки зрения достоверности и/или недостоверности передаваемой информации чаще всего происходит наложение семантических оттенков, которые в некоторых случаях перекрывают основное значение персуазива: *...утреннее построение в детсаду – как на зоне или в армии. Полный скорби завтрак. От комков в манной каше тянет вырвать, при порывах сквозняка веет хлоркой из туалета. Сидя над кашей, я тщательно отбираю комки ложкой, но иногда все-таки пропускаю их и запоздало нацупываю языком. Вот тогда-то меня и рвет.*

*У меня к этим деталям нет любви, да и у кого она будет? А надо ведь, чтобы и их кто-то полюбил и описал, иначе мир останется неполным. **Может**, меня еще заморозить нужно, чтобы через сто лет я их оценила и предъявила потомкам?* (с. 277).

В приведенном примере вводное слово **может** привносит оттенок иронии, нивелируя значение неуверенности.

Также отметим случаи, в которых персуазивная семантика передается при помощи вводных слов с другим ядерным значением:

• *С Анастасией оборвалась последняя нить, связывавшая меня с моим временем. Настя села на подлокотник кресла. На своей голове я почувствовал ее руку. Я взял ее руку в свою и поцеловал. Несколько раз поцеловал. Настя руку осторожно отняла:*

*– Не надо. Вам ведь нужна только она, **правда**?* (с. 217).

Как правило, в функции вводного лексема **правда** употребляется с целью подчеркивания правдивости высказывания, однако в приведенном отрывке рассматриваемый персуазив придает предложению противоположное значение: «Я предполагаю, что я не нужна вам, но мне бы этого очень не хотелось». Подобный эффект достигается благодаря использованию Е. Водолазкиным нескольких лексических и синтаксических средств: инверсии (стоящее после сказуемого в сильной позиции конца предложения подлежащее *она* смещает акцент с объекта говорения — Анастасии на субъект — Настю), усилительной частицы *ведь*, самого вопроса и места расположения вводного слова **правда** (в любой другой позиции этот персуазив не предполагает такой сильной интонационной и семантической нагруженности).

• *Платоша с Гейгером ходили к губернатору – меня никто не пригласил. Не то чтобы мне как-то особенно был нужен этот губер, мне он, **в принципе**, по барабану – просто жена приглашенного по этикету должна быть с ним. У Гейгера, **небось**, и мысли такой не возникло, а вот Иннокентий Петрович мог бы и сообразить* (с. 261).

В приведенном примере передается совокупная реализация значений уверенности и неуверенности, при этом уверенность как способ воздействия на мнение собеседника (читателя дневниковых записей) выражается при помощи вводного сочетания **в принципе**, которое, как правило, служит для передачи субъективного отношения к какому-либо факту и модального слова **должна**. Однако при формальном выражении безразличия к ситуации за счет повышающих экспрессивность высказывания лексем **губер** и **по барабану** создается обратный эффект: Насте не все равно, и она обижена на то, что ее не пригласили на прием к высокопоставленному лицу.

При этом следующий далее персуазив **небось** в данном контексте приобретает семантический оттенок язвительной усмешки и выражает предположение о том, что Гейгер не подумал о необходимости пойти к губернатору втроем. Таким образом, формальный показатель неуверенности при высокой степени эмоциональной окрашенности высказывания меняет значение на почти противоположное.

Больше половины анализируемых отрывков с квалификативными показателями (25 из 44) выражают совокупную реализацию значений авторизации и персуазивности. Случаи употребления авторизирующих и персуазивных маркеров в одном контексте можно разделить на следующие 6 групп (порядок групп основан на кумулятивном принципе: каждая последующая группа имеет более широкое семантическое наполнение, чем предыдущая):

- 1) «Своя» информация + неуверенность в достоверности (1).
- 2) «Своя» информация + неуверенность + уверенность в достоверности (2).
- 3) «Чужая» информация + неуверенность + уверенность в достоверности (1).
- 4) «Своя» + «чужая» информация + уверенность в достоверности (5).
- 5) «Своя» + «чужая» информация + неуверенность в достоверности (6).
- 6) «Своя» + «чужая» информация + неуверенность + уверенность в достоверности (10).

Наиболее многочисленной по количеству примеров оказалась шестая, самая семантически нагруженная группа. Это объясняется тем, что Настя при описании происходившего стремится передать как можно более полную картину: со всеми участниками событий, их высказываниями и выражением своего мнения (сомнений, предположений или, наоборот, уверенности в чем-либо).

На наш взгляд, в речевых партиях героини Е. Водолазкин смог передать особенности разнонаправленного (одновременного и всеобъемлющего) восприятия мира, свойственного женщинам. Использование в рамках одного контекста нескольких тем и переключение между ними — типичная, по мнению Е.А. Земской [Земская, 1993, с. 113], черта построения женского текста. Это обусловлено большим количеством социальных ролей женщины (хозяйка дома, жена, мать и т.д.): «постоянное выполнение названных ролей накладывает определенный отпечаток на типическое речевое поведение женщин вообще, влияет на стратегию и тактику их речевого поведения». Женщина чутко реагирует на все происходящее вокруг нее, что, безусловно, отражается в ее речи.

В соответствии с вышесказанным, сочетание в одном контексте показателей авторской (Настиней) и цитируемой речи, уверенности и неуверенности в достоверности передаваемой информации является проявлением гендерной окрашенности текста, например: *«Вчера нам позвонил предприниматель Тюрин. Так и представился: Тюрин, предприниматель. Нефтяник, **кажется**. Говорил с ним Платоша, включив громкую связь, чтобы я слышала (адаптируется наш Платонов не по дням, а по часам).*

*<...> Так вот, **по словам Тюрина**, предпринимателя, заехал он сегодня в Питер, и захотелось ему вечером устроить фейерверк – внезапно, без подготовки. Спросил, не обижаемся ли, что он как снег на голову – незнакомый, по сути, человек. Незнакомый, согласился Платоша, но не обижаемся. Жизнь, сказал Тюрин, должна быть непринужденной: захотелось фейерверка именно сегодня и именно на Елагином – значит, будет фейерверк.*

*<...> После фейерверка начался салют, причем залпы были именными. Первый залп был посвящен, **конечно же**, Тюрину, а второй – Платоше. И еще – самое, может быть, удивительное. На пальце Тюрина я заметила фантастической красоты перстень с бриллиантом. Сказала ему об этом – при всех, чтобы сделать приятное. А он перстень снял и протянул Платоше – ему, **мол**, он больше пойдет. И мне подмигнул. Платоша отказывался, но Тюрин вложил ему перстень в ладонь и согнул пальцы. Очень эффектный жест, кто-то из журналистов сказал – королевский (этот кадр я сегодня видела уже в нескольких газетах). Хотя Тюрин, **повторю**, скорее купец, чем король. А перстень и вправду изумительный – я его сегодня всё утро рассматривала. Платоша, глупенький, не хочет его надевать» (с. 284–286).*

В приведенном отрывке обнаруживается и подробное описание Настей ситуации запуска фейерверка, устроенной Тюриным, и реакция Платонова на предложение предпринимателя, и оценивание героиней участников и эпизодов события:

«изумительный», «фантастической красоты» перстень, «Тюрин скорее купец, чем король», «Платоша глупенький» и т.д.

Четвертая и пятая семантические группы, почти одинаковые по количеству контекстов, так же, как и шестая группа, отражают совокупное употребление показателей «своей» и «чужой» речи, разница состоит лишь в персуазивном маркировании.

В примерах четвертой группы персуазивы со значением уверенности используются Настей:

а) для повышения весомости собственного мнения: *Платошу признали человеком года по версии журнала “Время”. <...> Фотография, **конечно**, черно-белая, и освещение потрясающе выставлено, а самое симпатичное на ней – морщинки, возникающие при улыбке. Платоша там как киноартист. У всякого киоска невольно замедляю шаг. Хорош. Ох, хорош! (с. 315–316);*

б) для смягчения категоричности части высказывания, следующей за персуазивом: *Платоша рассказал мне о полете какого-то авиатора в Сиверской. По тону рассказа сразу поняла, что это не столько об авиаторе, сколько о Платоше: у него разная манера рассказывать о других и о себе. Говорил он, говорил – и вдруг задумался.*

– О чем ты думаешь? – спрашиваю.

– На какой же все-таки кочке я споткнулся? Почему не взлетел? Что погубило мои способности к живописи?

*Начала его убеждать, что так просто уйти его способности не могли, что они непременно вернутся. Это не просто утешение – я сама в это твердо верю. А сравнение с авиатором – оно красивое, **конечно**, но применительно к Платоше хромает (с. 346–347).*

Показатели неуверенности в контекстах пятой семантической группы в основном маркируют мнение героини, ее предположения (вариации оттенков персуазивного значения — кажимость, приблизительность, неопределенность, сомнение и др. — в данном случае не представлены):

*Платоше звонил Желтков из правительства. Я бы сказала, сам Желтков. Предлагал всяческую поддержку. Кто-то, правда, заметил, что, когда предлагают всяческую поддержку, стоит испытывать сомнения: такое предложение ни к чему не обязывает. Но Желтков здесь, **думаю**, ни при чем – что же он может предложить, если Платоша ни в чем не нуждается? А Платонов тоже хорош – разговаривал без особых эмоций, довольно, **можно сказать**, невозмутимо (с. 235);*

*Решила заняться описаниями, да зачем-то включила телевизор. Там – прямой репортаж о самолете из Мюнхена. <...> **Я подумала**: как же рискуют эти люди! Им*

придется, **возможно**, заливать горящий самолет. **Вспомнила**, что маленький Платоша тоже хотел стать пожарным (с. 407).

2. Отражение психоэмоционального и ментального «я» героев романа

Наблюдения, которые были сделаны о личностном наполнении Насти в ходе анализа ее речевых партий, содержащих вводные слова и выражения с квалификативным модусным значением, можно представить в виде следующих тезисов:

- Прежде всего, с исследовательской точки зрения, наибольший интерес представляет реализация гендерных особенностей в речи Насти.

Материал художественного текста позволяет «рассмотреть реализацию гендера с новой точки зрения: не только как параметр, отражающий гендерную идентичность автора, но и как параметр, отражающий основные тенденции гендерной дифференциации языковых средств, в том случае, если автор имитирует речь противоположного пола» [Богачева, 2008, с. 46]. Евгению Водолазкину, обладающему верифицируемым набором признаков мужской и женской речи, удалось придать высказываниям Насти черты женского текста. Для этого автор использовал следующие языковые средства:

а) лексические:

– гиперболизированная экспрессивность: ...*утреннее построение в детсаду – как на зоне или в армии. Полный скорби завтрак* (с. 277); *Платоша с Гейгером ходили к губернатору – меня никто не пригласил. Не то чтобы мне как-то особенно был нужен этот губер, мне он, в принципе, по барабану – просто жена приглашенного по этикету должна быть с ним* (с. 261); *В интервью для одного женского журнала меня спросили (в интервью! меня!), высоко ли я оцениваю Иннокентия Петровича как мужчину. Хамский, **конечно**, вопрос. Я и ответила, что вопрос хамский, но не удержалась, сказала, что мужчина-то Иннокентий Петрович ого-го!* (с. 248).

б) морфологические:

– деминутивы: *С беременностью меня стали мучить газы, особенно после ужина. Они, **по-моему**, делают живот больше, а Платонов мой принимает это за рост маленького* (с. 228); *Странное дело. Платоша попросил нас с Гейгером помочь ему в его описаниях. Да-да, **отвечаем, конечно**. Если же честно, то я не знаю, как к этому относиться. А спросишь – обидишь. Не выдержала, спросила через день. Платоша ничутьточки не обиделся* (с. 348); ...они же видят, как он ходит. Как ноги подламываются, как держится за мою руку. Палочку не хочет: это уже, **говорит**, как-то чересчур, признание самого плохого (с. 376).

– междометия: *На следующей неделе запланирована большая пресс-конференция в новостном агентстве. Сначала я думала, что это инициатива агентства, но они там проговорились, что событие проплачено овощной фирмой. По невероятному (ой!) совпадению – той, что рекламирует Платоша... (с. 242); А Платонов тоже хорош – разговаривал без особых эмоций, довольно, **можно сказать**, невозмутимо. Без преувеличенной (ах) радости, без даже волнения, сдерживаемого с трудом, – оч. спокойно (с. 235).*

в) синтаксические:

– инверсия: *Странная прогулка – так назвала бы я рассказ о сегодняшнем дне. Гуляли мы по Никольскому кладбищу Александро-Невской лавры. Мы, кстати, не впервые по кладбищу гуляем: у Платонова – **как бы это выразиться?**– некоторая слабость к таким прогулкам. Эти прогулки меня особенно не тяготят, а с другой стороны – не сказать, что сильно повышают настроение, – не Диснейленд как-никак (с. 293); На днях Платоша сказал, что нам нужно бы обвенчаться. Я-то поняла, что это значит. Он хочет перевести наши отношения в область вечности. Считает, что времени доверять уже нельзя. Что его дни сочтены. Прямо этого не говорит, но из отдельных фраз, брошенных им в разных обстоятельствах, составила такая как бы мозаика. Ее вижу только я, потому что общаюсь с ним постоянно. Ну, **может быть**, еще Гейгер. Да, **конечно**, Гейгер (с. 318).*

• Как было отмечено ранее, в речи Насти преобладают квалификативные предложения со значением ментальной деятельности (об этом можно судить, среди прочего, по частотности словоупотреблений форм с корнем «дум»: **(я) думаю, думалось мне, остается думать, я подумала, всё продумано**). Предметом осмысления героини в основном выступает заработок и социальная реализация Иннокентия.

• Из предыдущего пункта вытекает характеристика Насти как практичной девушки. Сначала Гейгер, а потом и сама Настя комментируют это качество: *А еще Настя практична. Не прижимиста, не sparsam – практична. Раз уж вспомнились немцы, то качество это, **конечно же**, немецкое (с. 225); Интересно, что значение дензнаков Гейгер понимает, но, когда дело доходит до способов их заработка, начинаются гримасы, все эти “видите ли, Настя...” и т. д. Я не хочу выглядеть меркантильней всех, я, **может**, тоже мечтаю быть леди Гамильтон, но кто-то же должен организовывать средства для существования. Странно, **вообще говоря**, что это делает не немец (с. 288).*

Примечательно, что оба героя высказываются о практичности как о качестве, присущем немцам. Однако, на наш взгляд, суть характеристики не в национальной особенности, а в стремлении Насти обеспечить своей семье, которая ждет пополнения,

безбедное будущее. Опять же эта направленность, маркируемая в том числе квалификативными модусными показателями, является проявлением женского в тексте. Как отмечают исследователи, изучающие гендерные различия речевого поведения, в речи женщин превалируют оценки, основывающиеся на социальной точке зрения, тогда как мужским текстам более свойственны рационалистические оценки.

О преобладающих в речи Насти «социальных» оценках свидетельствуют также авторизационные показатели цитации: *по мысли заказчиков, по его [Гейгера] словам, по его [Гейгера] мнению, по его [Платоши] словам, [Платоша] говорит, [Платоша] спрашивает, по расчетам врачей, по словам Желткова, по словам Тюрина, как говорится, по преданию*. Как видно, более частотными оказываются маркеры, отсылающие к словам / мнению людей из близкого круга Насти — Иннокентия и Гейгера. А употребление вводного *по преданию* подчеркивает знание девушкой истории своей семьи:

Привели квартиру в относительный порядок, собрали четыре сумки вещей, которые неохота оставлять у чужих, и отвезли их на Большой проспект. Особо ценным объектом мне казалась статуэтка Фемиды, доставшаяся бабушке от Платошиной матери. У Фемиды отломаны весы, что, по преданию, дело рук моего мужа (с. 265).

3. Использование квалификативных модусных категорий для воплощения идейно-философских замыслов автора.

Строго говоря, образ Насти в «Авиаторе» в общем виде не служит для раскрытия категорий времени, истории, справедливости, памяти и бытия-в-слове. Использование автором квалификативных категорий имеет свою специфику: за редким исключением они актуализируются в речи героини при описании событий настоящего. Настя является представителем нового исторического времени, отличного от хорошо знакомого Платонову. По меткому замечанию Гейгера, *ее [Настиной] активностью Иннокентий вытягивается в свое новое время (с. 224)*.

Наряду с анализируемыми модусными категориями выражению «современности» Насти в рассматриваемых нами контекстах служат стилистически окрашенные лексемы: *Платоше предложили провести корпоратив газовой компании. Он отказался. Когда я услышала сумму гонорара, то, откровенно говоря, припухла (с. 287); Платоша с Гейгером ходили к губернатору — меня никто не пригласил. Не то чтобы мне как-то особенно был нужен этот губер, мне он, в принципе, по барабану — просто жена приглашенного по этикету должна быть с ним (с. 261); Сегодня утром я проснулась раньше гражданина Платонова. Села по-турецки на кровати, рассматривала спящего*

мужа моего. Не было на лице его безмятежности, было страдание. Губы подрагивали, веки. Отчего, **спрашивается**? После всех ударов судьбы и утрат – такой хеппи-энд (с. 247).

Записи героини, в которых речь заходит об универсальных событиях, возможных в жизни любого человека, всегда помещены на платформу личностного восприятия (в отличие от описаний Гейгера, в которых акцент поставлен на всеобщности):

*...утреннее построение в детсаду – как на зоне или в армии. Полный скорби завтрак. От комков в манной каше тянет вырвать, при порывах сквозняка веет хлоркой из туалета. Сидя над кашей, я тщательно отбираю комки ложкой, но иногда все-таки пропускаю их и запоздало нащупываю языком. Вот тогда-то меня и рвет. У меня к этим деталям нет любви, да и у кого она будет? А надо ведь, чтобы и их кто-то полюбил и описал, иначе мир останется неполным. **Может**, меня еще заморозить нужно, чтобы через сто лет я их оценила и предъявила потомкам?* (с. 277)

Детали, обнаруживаемые в отрывках о всеобщей и частной истории, преломляют угол восприятия пишущей Насти:

*Гимназическая постановка “Ревизора”. Марья Антоновна и Анна Андреевна – из соседней женской гимназии, шуришат привезенными из театра платьями. Запах нафталина сопровождает платья от костюмерной до гимназии: он не выветривается, пока их несут, – наоборот, **кажется**, что на свежем воздухе только усиливается. Так букет вина при вытаскивании пробки начинает распускаться, благоухать всеми оттенками и радовать. **Остается думать**, что снятым с вешалок платьям дано подобное свойство – в той степени, **конечно**, в какой все оттенки нафталина способны радовать.*

*<...> Анна Андреевна, говорит Хлестаков... Касается ее рукой. Рука дрожит, и голос дрожит. Герой, **надо понимать**, совсем не волнуется, но волнуется играющий его мальчик, ощущая руку девочки сквозь плотную материю платья. Он еще никому не объяснялся в любви и этим театральным объяснением пользуется или, **вернее сказать**, в этом тексте находит... Что, собственно, он в нем находит? На репетиции произносил текст очень даже чувственно. Не исключено, что влюбляется оттого, что произносит.*

*<...> Сквозь Ивана Александровича проступает мой Платоша, а вот Анна Андреевна образца 1914 года давно, **подозреваю**, истлела* (с. 372–373);

*1993 год, мы с матерью в Тунисе. Впервые отдыхаем за границей (и одни из первых!). Впервые без отца. Хотя и на его деньги – он присылает нам их из Америки. Официально от нас как бы еще не ушел, как бы на заработках еще, но всё с ним, **как говорится**, ясно. <...> **Как я понимаю**, большую часть дня он проводил у нее в номере.*

*О чем я, собственно? Да, Тунис. <...> Вечера – особая песня. Удивительно свежие и приятные. С Африкой вроде бы не соотносимые, а вот поди ж ты... **Может быть**, именно они делали эту землю такой притягательной (с. 299–300).*

Когда Настя пытается встроиться в канву исторического описания, предлагаемого Иннокентием, она быстро переключается на осмысление просьбы мужа: *Чай осенью на открытой веранде. <...> Пошли одна за другой чашки. Сидящие пьют чай – **можно сказать**, упиваются им. Событие датируется 1914 годом. Или 1911-м, например. Все описания Платоша настоятельно просит датировать. Зачем? – спрашиваю. Затем, **говорит**, чтобы показать, что фундаментальные события (то же питье чая на веранде) способны определять совершенно разные времена, а значит – универсальны. **По его словам**, этот аргумент в пользу точных датировок в равной степени пригоден и против них. Получается, **я подумала**, что и аргумент универсален (с. 364–365).*

Что касается справедливости, то и здесь перед читателем предстает субъективное понимание этой категории, подаваемое через призму чувственного восприятия и логического вывода Насти: *Привели квартиру в относительный порядок, собрали четыре сумки вещей, которые неохота оставлять у чужих, и отвезли их на Большой проспект. Особо ценным объектом мне казалась статуэтка Фемиды, доставшаяся бабушке от Платошиной матери. У Фемиды отломаны весы, что, **по преданию**, дело рук моего мужа.*

Я нарочно доставала Фемиду при нем – торжественно и не торопясь, – но он неотреагировал. Когда поставила ее в столовой на шкаф, вяло кивнул.

– Что может быть выше справедливости! – крикнула я, чтобы расшевелить этого человека.

Он подумал. Сказал:

– Наверное, только милость.

*Когда Гейгер ушел, он признался мне, что у него болела голова. Тут уж, **конечно**, не до справедливости (с. 265–266).*

2.6. Сопоставительный анализ употребления квалификативных вводных компонентов в речевых партиях персонажей

Анализ особенностей употребления вводных компонентов в речи героев позволяет обозначить общие и различные черты. Данное сопоставление ориентировано на выявление специфики идиостиля Е. Водолазкина (под идиостилем писателя мы понимаем, вслед за М.А. Федотовой, его индивидуальную манеру, способ, которым написано художественное произведение [Федотова, 2013]).

Итак, к числу общих черт с синтаксической точки зрения стоит отнести парцелляцию как средство членения высказывания. Для стиля Е. Водолазкина характерно дробление предложений: *Она [Настя] ходит бледная. Видно, что беременность ее протекает не так легко. Отсюда и нервы* (с. 261);

*Допустим, 1907-й. У ребенка простуда и сильный кашель. <...> Ставить банки будет отец. Самые ответственные вещи он берет на себя. Больному семь лет, и он боится. Банки ему ставят впервые. <...> Это не так больно, как казалось. **Может быть**, даже совсем не больно. <...> Отец проводит внутри банки фитилем и опускает ее на спину мальчика. Немного горячо, **конечно**. <...> Новый прилив страха – перед снятием банок. Мальчику кажется, что в спину они впились намертво. Напоминают маленьких злых рыб. **Может быть, пираний***» (с. 365–367).

Также на синтаксическом уровне необходимо отметить использование автором большого количества предложений с риторическим вопросом.

Общей лексико-грамматической чертой можно назвать использование героями авторизирующих дискурсивов *дескать* и *мол*. Как отмечает А.Н. Баранов, «русские частицы *мол* и *дескать* относятся к тому классу лексических единиц, которые связаны с феноменом расщепления говорящего» [Баранов, 1994, с. 114]. В самом деле, во второй части романа «Авиатор» происходит так называемое расщепление: персонажи, по просьбе Иннокентия, начинают писать втроем об одних и тех же событиях и явлениях. Упомянутые дискурсивы играют роль в том числе и в выражении этого авторского замысла.

Наконец, общность проявляется и на содержательном уровне: все герои так или иначе пишут в дневнике об Иннокентии (его состоянии и поведении) и для него. Полифоничность создается за счет того, что об одном и том же персонажи пишут по-разному, каждый в своей манере. Кроме того, их записи диалогичны, в них герои часто полемизируют друг с другом, зная, что «коллеги по перу» прочтут написанное.

Небезынтересно отметить и различные черты в употреблении квалификативных вводно-модальных слов Платоновым, Гейгером и Настей. Как отмечалось ранее, в речевых партиях героев отличается количество словоупотреблений вводных компонентов для указания источника информации. В речи Гейгера и Насти преобладают примеры совокупной реализации авторского и цитируемого значений.

Кроме того, основанием для разведения образов героев служит их отношение к фундаментальным идейно-философским категориям романа — истории, справедливости, памяти и т.д. Иннокентий в каких-то аспектах сближается с Гейгером (при том только на

одном основании противопоставления точек зрения), тогда как с Настей у персонажей в этом сходства практически нет.

И наконец, стоит отметить точки зрения, с которых персонажи оценивают мир: у Платонова — творческая, у Гейгера — практическая, у Насти — эмоциональная. В подтверждение этой мысли приведем пример характерных для каждого героя квалификативных вводных выражений, построенных по схеме «наречие + деепричастие говоря». Для Иннокентия показательное употребление словосочетания *вообще говоря*. Можно предположить, что оно отражает потребность главного героя словом охватить весь мир. Для Гейгера характерно использование сочетания *строго говоря*, что подчеркивает его «строгий» образ мышления. Настю от представителей мужского пола отличает употребление вводных выражений *честно говоря* и *откровенно говоря*, что может быть языковым проявлением большей чувственности, эмоциональности женщины по сравнению с мужчинами.

Выводы по Главе II

Рассмотрение 264 контекстов употребления вводных слов и выражений с квалификативным модусным значением в речевых партиях героев (163 — в речи Платонова, 57 — в речи Гейгера, 44 — в речи Насти) представлено в поуровневом анализе:

- а) от первичного, строго лингвистического взгляда на актуализацию квалификативных модусных категорий,
- б) к определению ментальных и психоэмоциональных особенностей героев,
- в) до выявления идейно-философского замысла автора и роли вводных компонентов в создании поэтики романа.

Анализ позволил сделать следующие выводы:

1. Кваликативные модусные смыслы позволяют раскрыть специфику композиционной, жанровой и пространственно-временной организации романа.
2. Лингвистическое рассмотрение реализации вводных компонентов с квалификативным модусным значением отражает их большой функциональный и стилистический потенциал (способность передавать противоположное исходному значение, возможность выражать определенную модусную семантику нетипичными показателями, склонность объединять в одном контексте разного рода стилистические и лексико-грамматические средства передачи основного значения и др.). В большинстве контекстов представлено синкретичное выражение авторизационной и персуазивной семантики.
3. Психоэмоциональное и ментальное «я» героев романа выражается в манере их письма: Платонову присуще образное, поэтическое изображение событий, внимание к деталям, Гейгера отличает более строгий, сдержанный стиль, а Настю — эмоциональность, маркирующая женское письмо, и стилистическая загруженность просторечными, сленговыми употреблениями. При помощи квалификативных модусных категорий автор романа передает воплощение значимых для каждого героя категорий, выражаемых вербально.
4. Идейно-философский замысел романа «Авиатор» рассматривается через языковое воплощение тематических понятий времени, истории, памяти, справедливости, бытия-в-слове. Кваликативные вводные компоненты используются автором для отражения смены временного плана повествования, передачи отношения героев к социальным, историческим, морально-нравственным аспектам.

Заключение

В ходе настоящего исследования были выполнены следующие задачи:

Описаны теоретико-методологические основания изучения модуса и квалификативных модусных категорий; рассмотрены особенности специфики проявления модуса в художественном тексте; изучен опыт рассмотрения вводных слов и выражений в отечественной лингвистике; разработана методика анализа вводных слов и выражений с квалификативным модусным значением с учетом специфики художественного произведения; произведен количественный и качественный анализ обнаруженных квалификативных вводных единиц во взаимосвязи с поэтикой произведения; сделаны выводы о стилистическом потенциале вводных слов и выражений и идиостиле Е. Водолазкина.

Проведенный анализ был осуществлен на материале квалификативных вводных компонентов, к числу которых относятся как собственно вводно-модальные слова и выражения, так и модальные фразы: конструкции с формами 1-го л. ед. числа предикатов пропозиционального отношения со значением знания, мнения и полагания и главные предложения с модусным значением, присоединяющие придаточное изъяснительное.

Среди 264 контекстов словоупотребления 32 примера выражают семантику авторизации, 82 — значение персуазивности и 150 примеров демонстрирует синкретичное выражение анализируемых значений.

Анализ употребления вводных слов и конструкций в речевых партиях героев произведения имеет поуровневую структуру. Каждый последующий аспект рассмотрения учитывает результаты, сделанные на предыдущем этапе, и предполагает углубление семантического анализа романа. Этапы анализа имеют следующую последовательность:

1. Актуализация ядерного и периферийного (переносного) значения авторизации и персуазивности.
2. Отражение психоэмоционального и ментального «я» героев романа.
3. Использование квалификативных модусных категорий для воплощения идейно-философских замыслов автора и создания поэтики произведения.

На первом этапе анализа произведено исследование контекстов с сугубо лингвистической точки зрения: выявлена актуализация ядерных и периферийных (переносных) значений категорий авторизации и персуазивности в речи героев. Сделан вывод о стилистическом потенциале вводных компонентов с квалификативным модусным значением.

На втором этапе анализа выявлены характерные черты употребления вводных компонентов в речевых партиях Иннокентия Платонова, Гейгера и Насти. Авторизованные и персуазивные высказывания выступили средством отражения ментального и психоэмоционального «я» персонажей романа.

На третьем этапе исследования выявляется связь между употреблением героями квалификативных вводно-модальных компонентов и формированием поэтики романа (в частности, композиции, жанра и пространственно-временной организации). Идеино-тематический комплекс «Авиатора» строится на таких понятиях, как время, история, справедливость, бытие-в-слове, память. Анализ квалификативных вводных слов и выражений позволяет проследить воплощение и преломление этих понятий в романе.

Представленная в работе методика анализа квалификативных модальных категорий не претендует на статус единственно возможной и предполагает внесение правок в ходе более углубленного изучения вопроса.

В перспективе дальнейшего исследования этой темы видится изучение квалификативных категорий модуса на материале других художественных произведений Е. Водолазкина, их сопоставительный анализ и более полное определение специфики идиостиля писателя. Также возможно рассмотрение реализации иных категорий модуса (мета-, актуализационных и социальных категорий) в романе «Авиатор», что позволит углубить анализ и выявить значимые аспекты художественного пространства произведения.

Библиографический список

Источник исследования

Водолазкин Е. Г. Авиатор : роман / Евгений Водолазкин. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. – 410 с.

Научная литература

1. Алгазина Т.С. Вводно-союзные компоненты в структуре предложения и текста : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01. – М., 1994. – 147 с.
2. Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания, 1971, № 1. – С. 54–64.
3. Аникин А.И. Основные грамматические и семантические свойства вводных слов и словосочетаний // Рус. яз. в шк. – 1956. – № 4. – С. 22.
4. Анисимова Л.В. К вопросу о местоположении вводно-модальных слов в составе предложения // Вестник РУДН, сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. – 2005. – № 6. – С. 67–72.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 895 с.
6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М. : Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
7. Баранов А.Н. Заметки о *дескать* и *мол* / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. — 1994. – № 4. – С. 114–124.
8. Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык. – М., 1999. – С. 768–775.
9. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.
10. Беляева Е.И. Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко и др. – Л. : Изд-во «Наука», 1990. – С. 157–170.
11. Богачева М.В. Специфика гендерной дифференциации языковых средств // Вестник Днепропетровского ун-та им. О. Гончара. – 2008. – Т. 16. – № 11. – С. 43–49.
12. Большакова Н.И. Языковое оформление модусных категорий (на материале переписки М. Цветаевой и Б. Пастернака): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1993. – 25 с.

13. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражений в языке: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1977. – 17 с.
14. Боуфал З.Р. Актуализация модусных категорий в диалектном высказывании: авторизация и персуазивность: дис. ... канд. филол. наук / З. Р. Боуфал. – Томск, 2017. – 208 с.
15. Бочкина М.В., Голубков М.М. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2018. – Т. 23. – № 2. – С. 188–197.
16. Василенко Л.И. Модальные слова как средство авторизации текста // Филологические науки. – 1984. – № 4. – С. 76–78.
17. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: Избранные труды / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 599 с.
18. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: Учебное пособие / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1972. – 601 с.
19. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
20. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М., 2000. – 502 с.
21. Гак В.Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Межвузовский тематический сборник. – Калинин, 1978. – С. 19–26.
22. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – Изд. 2-е. – М., 1988. – 263 с.
23. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: синтаксис. – М., 1986. – 220 с.
24. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2003. – 247 с.
25. Грепл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии. – 1956-1974 гг.: Сборник статей. – М. : Прогресс, 1978. – С. 57–69.
26. Гричин С.В. О категориальной сущности авторизации // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 175–182.
27. Гурин И.В. Категория авторизации в предложении и тексте: основные подходы к определению // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2012. – №2 (35). – С. 103–107.

28. Долженко Н.Г. Персуазивность в художественном тексте (на материале сборника рассказов Е. Д. Айпина «Река-в-Январе») // Вестник угорведения. – 2019. – № 4. – С. 614–622.
29. Етко А.Г. Инференциальный аспект семантики в контексте авторизации предложения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 195 с.
30. Етко А.Г. Категория авторизации: основные аспекты категориальной семантики // Acta Linguistica. – №2. – Vol. 1. – Sofia, 2007. – С. 3–9.
31. Земская Е.А. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова / [под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева]. – М., 1993. – С. 90–136.
32. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса: монография / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
33. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
34. Золотова Г.А. Синтаксический словарь : Репертуар элементар. единиц рус. синтаксиса / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 439 с.
35. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г.А. Золотовой. – М. : Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. – 544 с. – КГРЯ.
36. Ивницкий Е.И. Формирование содержательного аспекта квалификативной категории оценочности в русском языке // МИРС. – 2018. – №4. – С. 11–16.
37. Ильина Е.В. Ирреалис, эвиденциальность, модальность: к проблеме соотношения категорий [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 7–2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/irrealis-evidentsialnost-modalnost-k-probleme-sootnosheniya-kategoriy> (дата обращения: 16.04.2021).
38. Клобуков Е.В. Падеж и модальность // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – Виноградовские чтения XII-XIII. – М. : Наука, 1984. – С. 44–64.
39. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90–100.
40. Кобрина О.А. Специфика коммуникативной категории модуса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1. – С. 70–74.

41. Копытов О.Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Копытов ; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2004. – 27 с.
42. Копытов О.Н. Концепция модуса на пространстве текста и ее возможности для исследования медиатекста // Медиалингвистика. – 2015. – № 4 (10). – С. 69–82.
43. Копытов О.Н. Модус на пространстве текста: монография. – Хабаровск: Изд-во ХГИИК, 2012. – 299 с.
44. Краснова Т.И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). – СПб. : СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
45. Кремер И.Ю. Ментальный модус как интерпретационный компонент текста в сфере научной коммуникации [Электронный ресурс] // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2015. – №4 (49). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnyy-modus-kak-interpretatsionnyy-komponent-teksta-v-sfere-nauchnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 15.04.2021).
46. Кузнецова Л.Н. Модус в аргументативном дискурсе парламентских дебатов: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Саранск, 2004. – 357 с.
47. Купина Н.А. Лингвистическая философия Евгения Водолазкина: роман «Авиатор» // Известия УрФУ. – Серия 2. Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 19. – № 4 (169). – С. 194–205
48. Кучина Т.Г., Ахапкина Д.Н. «Конвертировать бытие в слово»: Номо scribens в прозе Евгения Водолазкина // Вестник КГУ. – 2016. – № 6. – С. 105–108.
49. Ламбарджян С.П. Персуазивность в художественном тексте (курс лекций) / Ламбарджян С.П. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 2015. – 50 с.
50. Лекант П.А. Грамматика категории слова и предложения / П.А. Лекант. – М. : Изд-во МГОУ, 2007. – 213 с.
51. Лекант П.А. Семантика вводных компонентов в тексте // Семантика слова и словоформы в тексте. – М. : МОПИ, 1988. – С. 3–6.
52. Межеричкая М.И. К вопросу о соотношении эпистемической модальности и категории эвиденциальности // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2009. – № 4. – С. 105–108.
53. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / Акад. И.И. Мещанинов; Акад. наук СССР. – М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1945. – 322 с.
54. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.

55. Нагорный И.А. Магистерский курс «Функции русских частиц» в рамках уровневой системы образования // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2011. – № 24 (95). – С. 19–25.
56. Нагорный И.А., Ивницкий Е.И. Контекст как способ экспликации квалификативных модусных категорий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 3. – С. 15–23.
57. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
58. Петухова Е.Н. Литературный контекст романа Евгения Водолазкина «Авиатор» // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 1 (34). – С. 49–55.
59. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 510 с.
60. Пляскина М.В. Семантико-прагматический потенциал вводно-модальных слов со значением персуазивности // Языковая компетенция : грамматика и словарь. – Ч. 1. – Новосибирск, 1998. – С. 49–55.
61. Ревякина А.В. Взаимодействие категории персуазивности с другими модусными категориями // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы): материалы III Междунар. науч. конф. Минск, 6–7 апреля 2006 г.: в 2 ч. / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2006. – Ч. 2. – С. 47–50.
62. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка: Учеб. пособие для вузов. – 2-е изд. – М. : Высш. школа, 1968. – 320 с.
63. Русская грамматика : В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – Т. 2. Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др.]. – М. : Наука, 1980. – 709 с. – РГ-80.
64. Савицкая Л.С. Никнейм (ник) как средство выражения модуса высказывания (на материале интернет-дневников) // МИРС. – 2009. – № 1. – С. 58–61.
65. Сафина А.Р. Теоретические аспекты изучения эпистемической модальности и эвиденциальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9-2 (63). – С. 142–145.
66. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М. : Наука, 1981. – 361 с.
67. Федотова М.А. К вопросу о разграничении понятий идиостиль и идиолект языковой личности // Записки романо-германской филологии. – Вып. 1. – М., 2013. – С.220–225.

68. Филатова В.В. Авторизация предложения в художественном тексте (на материале творчества Сергея Довлатова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В.В. Филатова ; Нижегород. гос. пед. ун-т. – Н. Новгород, 2000. – 20 с.
69. Хлебус М.А. Категория слова в романах М. Шишкина «Письмовник» и Е. Водолазкина «Авиатор» // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 2019. – № 4. – С. 167–173.
70. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. – СПб. : Наука, 2007. – С. 600–632.
71. Чернейко Л.О. «Вероятностный мир» языковой личности (применительно к анализу художественного текста) // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 3 (45). – С. 137–152.
72. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 400 с.
73. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов; Вступ. ст. Е.В. Клобукова; Ред. и коммент. Е.С. Истоминой. – 3-е изд. – М. : УРСС, 2001. – 620 с.
74. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Русский язык : избр. работы / Н.Ю. Шведова. – М. : Яз. славян. культуры, 2005. – 639 с.
75. Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. – М., 1988-а. – С. 168–201.
76. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск, 1988-б. – 54 с.
77. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса / Под ред. К.В. Горшковой, Е.В. Клобуковой. – М., 1984. – С. 78–100.
78. Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. докт. филол. наук в виде научного доклада. – М., 1995. – 40 с.
79. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. – Т. 1. – 182 с.
80. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
81. Ярыгина Е.С. Модус и модальность – терминологические синонимы? [Электронный ресурс] // Вестник ВятГУ. – 2012. – № 2. Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/modus-i-modalnost-terminologicheskie-sinonimy> (дата обращения: 13.04.2021).

82. De Haan F. Evidentiality and Epistemic Modality: Setting Boundaries // *Southwest Journal of Linguistics* 18, 1999. – P. 83–101.

83. De Haan F. The Relation between Modality and Evidentiality // *Linguistische Berichte. Sonderheft 00/2000*. – P. 1–17.

84. Halliday M.A.K. *Linguistic Studies of Text and Discourse* / M. A. K Halliday. London and New York : Continuum, 2002. – 301 p.

85. Lakoff R.T. *Persuasive Discourse and Ordinary Conversation*, with examples of advertising. In: Tannen D. (Ed.) *Analyzing Discourse: Text and Talk*. – Georgetown University Press, 1982. – P. 25–42.

86. Pratkanis A. *Age of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion*. – New York: W. H. Freeman and Co, 1992.

Электронные ресурсы

1. Аросьев Г. Важнее настоящего (Евгений Водолазкин. Авиатор) [Электронный ресурс] // Новый мир. – № 7 – 2016. – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2016/7/vazhnee-nastoyashhego-evgenij-vodolazkin-aviator.html (дата обращения: 17.11.2020).

2. Водолазкин Е. Вопросы на ответы [Электронный ресурс] // Знамя. – 2018. – № 7. – Режим доступа: <http://znamlit.ru/contents.php?id=264p> (дата обращения: 12.11.2020).

3. Водолазкин Е. Интервью [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2016. – № 221 (7089) – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/09/29/vodolazkin-ia-pytaius-v-aviatore-sdelat-chitatelia-soavtorom.html> (дата обращения: 25.03.2021).

4. Секретов С. Ровесник века (о книге Евгения Водолазкина) [Электронный ресурс] // Homo Legens. – № 2. – 2016. – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/homo_legens/2016/2/rovesnik-veka.html (дата обращения: 12.03.2020).

Словари

1. Городецкий Б.Ю. Категория // Большая советская энциклопедия / Б.А. Введенский. – М. : Советская энциклопедия, 1953. – Т. 20. – 644 с. – БСЭ.

2. Горский Д.П. Краткий словарь по логике / Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М. : Просвещение, 1991. – 208 с.

3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 2-е изд., переработ. и доп. – М. : Русский язык, 1976. – 1096 с.